

바람과버섯꽃



Ольга Яблочкина

Завтра подует завтрашний ветер

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Яблочкина О.

Завтра подует завтрашний ветер / О. Яблочкина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Красная нить судьбы, связывающая двух людей, может растянуться, запутаться, но она никогда не порвется. Немного об азиатском футболе и о красивой любви, преодолевшей все препятствия, время и расстояния.

Легкий ласковый ветер лениво дарит свое теплое дыхание, несущее нежные светло-розовые лепестки сакуры куда-то вдаль, на восток, к красному восходящему солнцу. Морские волны неустанно накатываются на берег, где-то нестерпимым гулом звучит гудок отходившего от берега большого корабля, а аэропорт Кансай, со всех сторон окруженный синей водой, регулярно, без всяких опозданий принимает железных птиц из далеких стран. Небо чистое, без единого облачка, самолеты летают беспрепятственно. Им вторят белоснежные чайки. В центре города величаво возвышается пятиэтажный замок, построенный еще полководцем Тоётоми Хидэёси и ставший свидетелем множества войн, побед и поражений.

Наступало утро, прерывая веселые события ночи, разукрашенной электрическими огнями, красными, синими, желтыми, зелеными... После шумной ночи улица Дотонбори* казалась обезлюдившей. В Осаке начинался новый день, овеванный нежно-розовыми лепестками сакуры.

Вместе с остальным городом просыпался и район Суминоэ, и каждая улочка в нем, и улица Нанко-дори, что недалеко от железнодорожной станции Китакагая, не стала исключением. Светлые лучи восходящего солнца коснулись и высоких, и наоборот, не отличающихся большими размерами зданий, и цветущих деревьев, и старейшего в городе маяка Такадору, возвещая о том, что его работа на сегодня окончена. Лучи коснулись и тонких золотых цепочек, к концам которых рукой искусного мастера были прикреплены маленькие цветы сакуры, вместе образующие сережки, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы понять, что они не были куплены в каком-нибудь сувенирном магазине для туристов, которыми был переполнен город, переживавший самую прекрасную пору в году. Сережки переливались на солнце, отражая каждый лучик. Сережки эти выглядели просто чудесно на черном фоне в коробочке, которую в протянутой руке держал довольно высокий молодой человек, приятное лицо которого светилось обаятельной улыбкой, и глазами, в которых черные, чернее ночи, зрачки надежно хранили что-то загадочное и недоступное для других. Девушка, стоявшая около него, невысокая, с каштановыми волосами, в сиреневой шелковой блузке и белых брюках, неосмотрительно прикоснулась к ним, провела тонкими пальцами по одной из цепочек, посмотрела в темные глаза парня, улыбнулась. Хотя было раннее утро, автомобили уже напоминали о необходимости проснуться всем, кто еще нежился в своих мягких постелях, создавая непрерывный атрибут большого города – вечный машинный гул.

– Я думала, ты забудешь... – произнесла она, вынимая сережки из коробки. Они издали еле слышный тонкий звук.

– Забыть о твоём дне рождения? – воскликнул парень. – Да ты смеешься! Это только ты можешь забыть о чем-то, если тебе нужен необычный кадр или что тебе еще там всегда нужно...

– Дзюн, это действительно важно. Я всегда мечтала там учиться, и нужно постараться, – говорила девушка поучительным тоном. Она вкрутила сережки в мочки ушей. – Как?

Она повертелась перед парнем, удерживая волосы рукой, чтобы было видно украшение.

– Они тебе очень идут, – сказал Дзюн, улыбувшись. Он осторожно снял с ее волос прилетевший лепесток сакуры и отпустил его путешествовать дальше, несомого ветром и золотыми лучами солнца.

– Спасибо, – только и сказала она, обняв его нежно.

Они подошли к его мотоциклу, уже заждавшемуся своих пассажиров. Девушка всегда боялась таких поездок, она крепко обвивала руками парня, порой мешая ему вести этот довольно опасный вид транспорта. Но никогда она еще не отказывалась, чтобы он подвозил ее до пригородного поселка Канан. Кикучи Дзюн, ее Дзюн-кун, всегда довозил ее быстрее, чем какой-либо общественный транспорт, и никакая электричка бы не Легкий Ласковый ветер лениво дарит свое теплое дыхание, несущее нежные светло-розовые лепестки сакуры куда-то вдаль, на восток, к красному восходящему солнцу. Морские волны неустанно накатываются

на берег, где-то нестерпимым гулом звучит гудок отходившего от берега большого корабля, а аэропорт Кансай, со всех сторон окруженный синей водой, регулярно, без всяких опозданий принимает железных птиц из далеких стран. Небо чистое, без единого облачка, самолеты летают беспрепятственно. Им вторят белоснежные чайки. В центре города величаво возвышается пятиэтажный замок, построенный еще полководцем Тоётоми Хидэёси и ставший свидетелем множества войн, побед и поражений.

Наступало утро, прерывая веселые события ночи, разукрашенной электрическими огнями, красными, синими, желтыми, зелеными... После шумной ночи улица Дотонбори¹ казалась обезлюдившей. В Осаке начинался новый день, овеванный нежно-розовыми лепестками сакуры.

Вместе с остальным городом просыпался и район Суминоэ, и каждая улочка в нем, и улица Нанко-дори, что недалеко от железнодорожной станции Китакагая, не стала исключением. Светлые лучи восходящего солнца коснулись и высоких, и наоборот, не отличающихся большими размерами зданий, и цветущих деревьев, и старейшего в городе маяка Такадору, возвещая о том, что его работа на сегодня окончена. Лучи коснулись и тонких золотых цепочек, к концам которых рукой искусного мастера были прикреплены маленькие цветы сакуры, вместе образующие сережки, одного взгляда на которые было достаточно, чтобы понять, что они не были куплены в каком-нибудь сувенирном магазине для туристов, которыми был переполнен город, переживавший самую прекрасную пору в году. Сережки переливались на солнце, отражая каждый лучик. Сережки эти выглядели просто чудесно на черном фоне в коробочке, которую в протянутой руке держал довольно высокий молодой человек, приятное лицо которого светилось обаятельной улыбкой, и глазами, в которых черные, чернее ночи, зрачки надежно хранили что-то загадочное и недоступное для других. Девушка, стоявшая около него, невысокая, с каштановыми волосами, в сиреневой шелковой блузке и белых брюках, неосуществимо прикоснулась к ним, провела тонкими пальцами по одной из цепочек, посмотрела в темные глаза парня, улыбнулась. Хотя было раннее утро, автомобили уже напоминали о необходимости проснуться всем, кто еще нежил в своих мягких постелях, создавая непрерывный атрибут большого города – вечный машинный гул.

– Я думала, ты забудешь... – произнесла она, вынимая сережки из коробки. Они издали еле слышный тонкий звук.

– Забыть о твоём дне рождения? – воскликнул парень. – Да ты смеешься! Это только ты можешь забыть о чём-то, если тебе нужен необычный кадр или что тебе еще там всегда нужно...

– Дзюн, это действительно важно. Я всегда мечтала там учиться, и нужно постараться, – говорила девушка поучительным тоном. Она вкрутила сережки в мочки ушей. – Как?

Она повертелась перед парнем, удерживая волосы рукой, чтобы было видно украшение.

– Они тебе очень идут, – сказал Дзюн, улыбнувшись. Он осторожно снял с ее волос прилетевший лепесток сакуры и отпустил его путешествовать дальше, несомого ветром и золотыми лучами солнца.

– Спасибо, – только и сказала она, обняв его нежно.

Они подошли к его мотоциклу, уже заждавшемуся своих пассажиров. Девушка всегда боялась таких поездок, она крепко обвивала руками парня, порой мешая ему вести этот довольно опасный вид транспорта. Но никогда она еще не отказывалась, чтобы он подвозил ее до пригородного поселка Канан. Кикучи Дзюн, ее Дзюн-кун, всегда довозил ее быстрее, чем какой-либо общественный транспорт, и никакая электричка бы не сравнилась. И потом, было куда приятней ехать вдвоем, ведь потом предстояло расставание на целый день. Дорога до Канан не занимала много времени. А может, это просто так казалось? Начало апреля всегда скрадывало время.

Осакский Университет Искусств был спрятан среди зеленых деревьев, густого покрова травы и свежего сладкого воздуха округа Минамикавачи. Место, наиболее подходящее для занятий искусствами, музыкой, живописью, кинематографом, анимацией и фотографией. Хорошее место, дающее множество возможностей. Вскоре ревущий мотор разрушил спокойную тишину университетского парка.

– Когда ты освободишься? – спросил Дзюн, когда девушка уже успела отойти на несколько шагов от него, проворно спрыгнув с сидения.

Она обернулась, чуть склонив голову к плечу.

– Я буду поздно.

– У тебя роман с твоим фотоаппаратом, – вздохнул он.

– А у тебя – с твоей гитарой... – Она засмеялась, в ее глазах появился задорный огонек.

– Но твой роман ведь не заведет тебя куда-то далеко?

Девушка немного помолчала, задумавшись о чем-то глубоко.

– Я еще не решила окончательно, – она поправила волосы, растрепавшиеся из-за разгулявшегося ветра. – Но это хороший шанс... Другого такого не будет. Будешь скучать? – она внимательно посмотрела на него.

– Еще спрашиваешь. – Парень нахмурился. – Поедешь туда, в эту грязную страну...

– Не переживай. – Она подошла к нему вплотную. – Я никуда не уеду, это слишком далеко. Как же я тебя оставлю здесь одного, без присмотра? – Она обняла его за шею. – Я ведь тебя люблю...

– Я тоже. – Он крепко обнял ее в ответ. – Ты даже не представляешь как.

Раздался далекий звук электронной мелодии, обозначавшей начало занятий в университете. Девушка спохватилась, посмотрев на часы, в последний раз поцеловала Дзюна. Быстрым шагом она направилась по витиеватой дорожке.

– Мидори... – позвал он ее. Она снова обернулась. – Не забывай о своем обещании.

Она кивнула и поспешила по направлению к главному входу в университет. Садаосенсей, преподаватель профилирующего предмета, не выносил опаздывавших студентов, а в последнее время Мидори опаздывала часто.

Время пролетает быстро, особенно когда чем-то увлечен. Наоя Мидори любила фотографию, любила стараться найти интересные кадры, которые зачастую получались случайно. Второй год обучения в Осакском Университете Искусств давал возможность заниматься любимым делом сколько угодно, и казалось, жизнь ее прекрасна. Она занимается любимым делом, которое привлекало ее с детства; у нее прекрасные отношения с Дзюном, который обязательно станет знаменитым, главное, чтобы его группа записала особенную песню, которую будут напевать в каждом доме; у нее счастливая семья – кузина недавно вышла замуж. Без сомнения можно сказать, что в день своего девятнадцатилетия она была счастлива. Но иногда бывает так, что счастье это не столь долговечно, как хотелось бы.

Все началось с малого. Дзюн прислал ей короткое сообщение, в котором говорилось, что он не сможет встретить ее после занятий. Конечно, такое бывало и раньше, она его не винила. Он был занят: работал на полставки в магазине электротехники, записывал музыку. В этот день его группе как раз посчастливилось найти более менее дешевую звукозаписывающую студию. Для него этот день был тоже своего рода знаменательным. Так почему бы и ей не сделать ему что-то хорошее? Сюрпризы всегда приятны. По дороге в город, в район Тсуруми, она заглянула в магазин музыкальных инструментов. Не растрчивая много времени на поиски чего-то совсем необычного, она выбрала вполне нужную вещь – медиатор для гитары с нарисованным на двух сторонах цветком сакуры. Продавец пообещал, что струны гитары должны издавать особенный звук при его использовании. Музыку сердца.

Студия находилась в неприглядном районе, на подземных этажах серого здания, под не совсем подходящим для такого соседства интернет-кафе. Пришлось долго искать вход. Спра-

вившись с этой непростой задачей, Мидори спустилась по длинной плохо освещенной лестнице. Для такого заведения здесь было необычно тихо. Она уже решила повернуть обратно, уверившись в том, что она ошиблась адресом, но вдруг услышала знакомый голос. Этот голос группа берегла всем составом, на репетициях он был просто необходим. За ним последовал дружный смех.

– Кента-кун, твоя краска тебе зрение испортила? – раздался насмешливый голос их барабанщика, Аоки Томору. – Как ты мог цвет перепутать?

– Там темно было, ночь, плохое освещение... – объяснял Кента.

– А по-моему, ему очень даже идет, – игриво заметила Томояма Харука. Она играла на синтезаторе.

– Еще бы водорослями обвиться, и...

– Тссс! Тихо... сделайте погромче, – прервал обсуждение Хирамаки Юта, их второй гитарист.

Кто-то прибавил громкости в радиоприемнике. Мидори, до сих пор скрываемая выступом стены, неслышно засмеялась, чуть выглянула из-за угла, увидев прелюбопытнейшую картину: их солист, всегда отличавшийся необычайным стремлением следовать последнему слову моды, теперь выделялся настолько, насколько и сам бы не мечтал. Его волосы местами искрились зеленым оттенком, и Харука, девушка с довольно короткой стрижкой и широким оранжевым ободком, не позволявшим волосам, в черноте которых выбивались розовые пряди, закрывать лицо, не могла удержаться от того, чтобы не кинуть взгляд на это новейшее направление в моде.

– Это реклама, – идентифицировал звуки по радио Дзюн.

– И все-таки мы поспешили. Не надо было относить эту запись на радио, она еще сырая, – сказал Юта. – Пускай бы в интернете оставалась... Вряд ли они ее поставят.

– Не убивай всю надежду, – прошипел на него Томору.

Мидори устала стоять, скрывшись ото всех. Сделала шаг вперед, но в этот момент ее никто не заметил, потому что все внимание было приковано к радиоприемнику.

– А теперь, – говорил ведущий музыкальной программы, – настает время активных ритмов и стремительной мелодии, потому что следующая композиция заставит вас проснуться от скучных трудовых будней. Впервые в эфире нашего радио группа Неу-ю!

Помещение заполнили звуки знакомой песни, над которой они так долго работали. В одно мгновение в маленьком помещении для звукозаписи, отделенном от основного стеклом, раздались тысячи радостных криков, хотя там находилось всего пять человек. В комнате звуко-режиссера было плохое освещение, сам он вышел куда-то. Мидори никто не замечал. Она уже хотела присоединиться к остальным, порадоваться за них, но следующий момент перевернул ее личный мир с ног на голову. Она сама была скрыта полутьмой, но это не мешало ей видеть, как Дзюн, нежно обняв Харуку за талию, как ее саму он никогда не обнимал, коснулся своими губами ее и не спешил отстраниться, а она не возражала, обвив его шею своими руками.

– О, тут уже и обнималовка пошла... – смеясь, заметил Юта, когда общая радость поутихла. По радио продолжала проигрываться их песня, близившись к концу, где должно было быть соло Дзюна.

– Эй, Дзюн, про свою Мидори уже забыл? – спросил Кента.

– Это неважно... – ответил Дзюн, оторвавшись наконец от губ Харуки, но продолжая удерживать ее за талию. – Много зеленого надоедает*... Ты здесь? – вдруг воскликнул он, заметив Мидори, так и не сдвинувшуюся с места.

Ее сердце дрогнуло, неожиданно по щеке скатилась слеза, одновременно с этим на пол упал медиатор, который она все это время удерживала в руке. Она уже сделала шаг назад, но он окликнул ее, отпустив Харуку, словно и не удерживал вовсе.

– Мидори, ты все не так поняла... – он хотел выйти из освещенного помещения, ограниченное стеклом, но Харука удержала его за руку и отпустить не собиралась.

– Я уже достаточно услышала... – тихо сказала она. – Мне хватило этого, – она смахнула рукой вторую скатившуюся по щеке слезу. – Желаю удачи на музыкальном поприще...

С этими словами она быстро ушла, не помня себя, поднялась по раздражающей своей продолжительной длиной лестнице. А ее никто не пытался догнать, и она медленно шла по широкой улице Фудохачикоян. В ее голове была пустота, она не могла поверить, что все это время, которое они были вместе, она для Дзюна ничего не значила, и красивые слова оставались всего лишь словами. И теперь она бы не смогла посмотреть ему в глаза, их черная глубина затягивала, словно омут. Она снова смахнула скатившуюся слезу, подошла к станции Ёкозотсуми, не задумываясь, села в метро. Забыв о том, где находится, проехала свою станцию, и так повторилось еще несколько раз.

*Дотонбори – одно из основных туристических направлений в Осаке, (прим. авт.)

**Мидори – «зеленый», «зелень», яп.

Около недели она почти не выходила из дома, пытаясь собрать по кусочкам свое сердце. Это ей удавалось с великим трудом, слишком медленно. Он ей не звонил, не писал, он тут же забыл о ней, заставив ее еще острее ощущать боль. Спустя некоторое время она все же начала возвращаться к своей прежней жизни, наполняя образовавшуюся в ней пустоту всякими незначительными мелочами. Ей так и не удавалось больше найти интересные кадры. Все они получались мрачными, бесцветными. Она не могла слушать радио.

– Наойя-сан, что с тобой произошло? – как-то раз спросил ее Такеджи-сенсей, имея в виду кадры, сделанные ею за последний месяц. Раньше он всегда отмечал ее как одну из самых способных студенток.

– Ничего, – коротко ответила она.

– А твои фотографии говорят совсем о другом, – возразил преподаватель. – Кстати, ты так и не дала окончательного ответа по поводу поездки. Тебе бы пошло это на пользу. – Он поправил очки и внимательно посмотрел на нее. В последнее время ее лицо отличалось излишней бледностью.

– Я не знаю... это далеко, – сказала она и вдруг подумала, что именно это ей и нужно – уехать далеко, туда, где не будет этого раздражающего радио и вещей, которые до сих пор продолжают напоминать ей о нем. Несколько раз она видела его издали на улице, но тут же сворачивала в противоположном направлении.

– Для тебя это была бы неплохая практика. Университет Корё всегда выпускал хороших специалистов... Ну так как?

Он выжидающе смотрел на нее, а она опустила взгляд на цветы, случайно взошедшие в университетском парке. Ветер всколыхнул ее сережки. Это была единственная вещь, с которой она не могла расстаться, как бы она не напоминала ей о нем.

– Такеджи-сенсей... Спасибо вам. – Она благодарно посмотрела на преподавателя. – Я поеду.

Подготовка документов заняла больше времени, чем предполагалось сначала. Оформление студентов по обмену всегда проблематично. Последняя бумажка не приходила очень долго, и так настал май. В этом был и плюс. У Мидори было достаточно времени, чтобы вспомнить другой язык, который она учила давно. Наконец, когда все было готово, когда она собралась окончательно и попрощалась со своей семьей, которая провожала ее долго и слезно, будто на всю жизнь, хотя срок, на который договорилось управление Осацкого Университета, составлял всего лишь год, наконец, она покинула Японию.

Аэропорт Инчхон встретил ее с распростертыми объятиями, и первые минуты она просто не знала, куда идти. Солнце здесь светило совсем по-другому, не так, как в родной Осаке. Наконец, выбрав нужное направление, среди толпы она отыскала свою кузину, которая должна была ее встретить здесь.

– Ан! Нишикава Ан... как давно мы с тобой не виделись, – она подбежала к ней, на полпути чуть не уронив дорожную сумку.

Ан весело улыbnулась и обняла кузину.

– А ты изменилась... – сказала она, продолжая все так же улыбаться. – Покрасилась, да?

Кузина Мидори, Ан, девушка с густыми волосами, собранными в хвост, длинными ресницами и изящным овалом лица. Она была чуть выше ее и на шесть лет старше, но обычно эта разница совсем не чувствовалась, они были хорошими подругами. Не так давно Ан вышла замуж за Ли Сон Хёна, работника отдела международных связей компании, тесно сотрудничавшей с японскими производителями. Теперь она жила в Сеуле со своим мужем. Ан радушно согласилась на годовое проживание Мидори в ее квартире, достаточно большой для приема гостей на продолжительный срок. Мидори отвели отдельную комнату, больше той, где она жила дома, в Осаке. Но все же она была чужая.

– Это так непривычно... – говорила Мидори, когда они ехали в автобусе домой к Ан, в Курогу.

– Что именно?

– Наверное, я никогда не смогу привыкнуть к такому движению, – задумчиво ответила она, рассеянно глядя в окно автобуса. – Такое ощущение, как будто автобус вот-вот врежется во встречные автомобили, на всей скорости врежется*.

– Привыкнешь через несколько дней, – Ан пожала плечами. – У меня раньше тоже так было. Привыкла, как видишь. Ко всему привыкаешь.

Муж Ан в это время находился в очередной командировке, и она была очень рада приезду кузины. В большой светлой квартире одной ей было нестерпимо скучно. Первые три дня Мидори гуляла с кузиной по городу, покупала то, что было необходимо ей для жизни и учебы здесь и что она, конечно же, забыла взять.

*... автобус вот-вот врежется во встречные автомобили – автомобильное движение в Японии левостороннее, в Корее – правостороннее.

* * *

Фонари, стоящие по бокам дороги района Макпхо, что в Сеуле, мелькали со все увеличивающейся скоростью, сливаясь в одно целое. Люди, машины, не прекращавшиеся здания – ничего не оставалось в сознании, перед глазами была лишь прямая дорога, уходящая вдаль. Он не любил возвращаться домой, чтобы увидеть уставшую от тяжелой работы мать, брата и сестру, просивших какую-то новую суперсовременную игрушку, на которую вечно не хватало денег, видеть скудную обстановку в доме, начавшую протекать крышу... Но разве есть место более желанное, чем дом?

Ю Чонхо часто ездил так, быстро, ни о чем не задумываясь, на мотоцикле, не дорогом, не совсем удобном, уже изрядно поцарапанном, но ставшем ему верным другом в течение стольких тяжелых дней, когда он работал курьером. Все люди хотят есть, многие из них ходят за этой потребностью в рестораны, но немногие заказывают еду на дом. Но пока такие существуют, Чонхо не останется без заработка, составляющего значительную часть денежных доходов его семьи, в которой помимо него есть еще мать и младшие сестра и брат, которые только начали ходить в школу. Перед его глазами мелькали сотни вон, ставшие привычной картинкой в его сознании, но немногие из них доставались именно ему – большую часть нужно было отдавать в бухгалтерию. В этом и заключалась его работа. Это превращало его в пустую машину, способную лишь развозить еду и получать за это проклятые вонны.

Скорость, где она была возможна, отвлекала, успокаивала, заставляя забыть обо всем и лишь гнать вперед. Может, поэтому Чонхо считали ценным работником – он выполнял заказы со скоростью ветра, еще одного его бессменного спутника.

Он не смог поступить в старшую школу, не было на нее денег и нужно было работать, потому что одна их мать не была способна содержать всю семью, а от отца не было известий уже два года. Он просто ушел согласно постановлению суда о разводе.

Иногда поздними вечерами, чтобы забыть о тяжелой работе и бесконечных подработках, которые попадались время от времени, он в одиночку гонял мяч на пустынном поле его бывшей школы, куда его пускал знакомый охранник. Ударить, гнать от себя, послать в ворота мяч, заключавший в себе все невзгоды его жизни – играя, он забывал обо всем.

Играл он не только один на школьном дворе. Также и тренировки на старом стадионе в Янчхонгу стали привычны. Он не сильно надеялся на победу в молодежной лиге по футболу, но пока оставалась хоть маленькая надежда, он оставался капитаном своей команды, ведь за победу сулили немалые деньги. Его команда стала ему почти второй семьей, хоть он это мало показывал внешне. Чонхо иногда вспоминал с легкой улыбкой, как странно попал в эту команду, откликнувшись на объявление о наборе в секцию.

– Братик! – в коридор около входной двери выбежала сестренка Сун Хо и тут же заключила Чонхо в объятия, обхватив своими тонкими ручками. Вечерами она всегда поджидала приближающийся рев мотора, который напоминал ей рык тигра, подкрадывающегося к их дому.

– Привет, Сун Хо, – он опустил на корточки, чтобы видеть лицо сестры. – Как дела в школе?

– Ну... – Она скривила смешную мину. – Хорошо, – наконец, выдала она.

Чонхо чуть улыбнулся, поправил заколку на волосах сестры, довольно коротких, не достающих даже до плеч.

– Юнхо, где мама? – спросил он, увидев выглянувшего из-за угла брата.

– Отдыхает, – коротко ответил он.

И так каждый вечер. Удостовериться, не голодны ли младшие брат и сестра, уговорить их идти спать, прибраться после их всеразрушающих игр, укрыть потеплее одеялом спящую мать, в последнее время часто хмурившуюся во сне. Что же дальше?

Еще со вчерашнего дня в рокоте мотора своего мотоцикла Чонхо слышал какой-то посторонний звук, похожий на плач расстроенной скрипки. Завтра он работает только в первую половину дня, поэтому можно предаться крайне увлекательному делу, как починка мотора. Кое-какие инструменты остались еще от отца, поэтому Чонхо отправился в гараж к своему верному другу. Так, это не то, а это так и должно быть, а тут гайку надо подкрутить... Ах, вот оно что. Чонхо приступил к основному действию, и вот, мотор мотоцикла уже работал как новый, и даже лучше.

Теперь можно и отдыхать. Он вышел на задний двор, посмотрел на темно-синее небо, щедро усыпанное звездами. Сегодня Ынхасу* был виден четко, как никогда, казалось, рукой можно достать. И там и здесь сверкали звезды, словно драгоценные камни на синем бархате, кто-то ярче, кто-то тусклее, но все одинаково прекрасные.

Днем такую красоту ни за что не увидишь, все затмевает солнце, не терпящее маленьких конкурентов, которые сбегают, как только увидят его на далеком востоке. Проснувшись пораньше, Чонхо уже не застал мать, она очень рано уходит на работу. Немного собиравшись, он и сам отправился развозить еду. Юнхо и Сун Хо уже давно привыкли добираться до школы самостоятельно.

На сей раз заказов продуктов было немного, такое случалось редко, и рабочий день Чонхо уже подбирался к концу. Оставалось заехать еще по одному адресу и все. Но вот адрес этот вызывал большие сомнения, нужно было ехать долго, переезжать по мосту через Ханган**, доехать до Тондэунгу... Как бы заказ не испортился. И как назло на пути попало целое столпотворение из автомобилей. К счастью, Чонхо успел вовремя, пока заказ не испортился от жары.

Утомленный этой нелегкой поездкой, он остановился около одного из многочисленных парков этого района, усевшись на скамейку под привольно раскинувшей свои ветви дзельквой. Золотистые лучи солнца с трудом пробивались сквозь плотный покров зеленой листвы, ветер заставлял чуть колыхаться этот зеленый бархат, издавая тихий неуловимый шелест. Воздух казался сладким, и хотелось вдыхать его бесконечно.

Но хорошее всегда заканчивается быстро, и нужно было возвращаться, слишком долго он просидел без дела. Он уже садился на сидение мотоцикла, как вдруг...

– Курои мотасаикурусуто! Маттэ кудасай! – услышал он звонкий девичий голос, когда надевал свой мотоциклетный шлем.

Это она кому? Он уже заводил мотор, как голос прозвенел снова, уже ближе:

– Курои мотасаикурусуто! Черный мотоциклист! – прозвучало уже понятней.

Он обернулся, увидев бегущую девушку в клетчатой рубашке, под которой была серая майка. Она махала ему рукой на бегу, прося тем самым подождать. Подбежав, она тут же усе-лась на пассажирское сидение, тяжело дыша. Несколько секунд Чонхо не мог и слова сказать, ошеломленный таким поведением эта крашенная шатенка, которую он в первый раз в жизни видит, просто вывела его из себя.

– А вы... – попробовал он начать разговор.

– В Курогу? – отдышавшись, выпалила она. – Едешь в Курогу?

Он кивнул. И как она узнала?

– Тогда поехали, – тоном начальника сказала она.

– А вы вообще кто? – Чонхо даже руками двинуть не мог, куда уж там, управлять мото-циклом.

– Тебе это важно? – Мрачный вид Чонхо девушку несколько не смутил. Она откинула назад свои волосы, чуть касающиеся плеч.

– Да.

– Наойя, если тебе это так интересно. Теперь поехали. – Она обвила своими руками Чонхо.

Тот вздохнул – от такой просто так не отвяжешься, легче согласиться. И потом, все равно по пути. Он резко сорвался с места, шины издали пронзающий визг, девушка сильнее сцепила руки, прижавшись всем телом. Быстрее замелькали стволы дзельквы, сливаясь в одно зеленое пятно.

– Куда едешь? – вдруг закричала девушка. – Мы разобьемся, поверни на левую полосу!

Она совсем с ума сошла? Чонхо не обратил внимания на эти слова, но девушка продолжала упрашивать повернуть. Пришлось остановиться.

– Зачем тебе на левую полосу? – раздраженно спросил он, решив разобраться, в чем же все-таки дело. Хватка девушки не ослабевала.

– Движение транспорта на левой стороне должно быть, – рассеянно сказала она.

Несколько секунд он смотрел на нее, повернув голову насколько это возможно, как на умалишенную, с трудом сдерживая себя от того, чтобы накричать на нее.

– Ты из Японии? – наконец догадался он.

Девушка чуть кивнула. Вот оно что...

– Здесь движение с правой стороны, – чуть мягче сказал Чонхо.

Он вновь привел мотоцикл в движение, мечтая поскорее избавиться от нежелательного пассажира, слишком уж этот пассажир сдавливал его своими руками. Красив Ханган, когда его переезжаешь по мосту в светлый солнечный день, невольно можно залюбоваться его золотыми бликами на поверхности. Но водителям этого совсем не стоит делать, у них свои прелести жизни в уводящей все вперед и вперед дороге. Многочисленные повороты, разные улицы, широкие и не очень, увлекают, заставляя забыть обо всем другом.

– Здесь останови, – потребовала Наойя, когда они проезжали уже по окраинам района.

Чонхо послушно сбросил скорость и подъехал к обочине. Девушка мигом слезла с сидения, дав Чонхо впервые за долгое время глубоко вдохнуть воздух. Он благодарил небо за то, что эта поездка, наконец, завершилась.

– А ты? – Она все не уходила.

– Что?

– Я имя свое назвала, а ты?

– Если я не ошибаюсь, Наояя это фамилия... – Чонхо призвал на помощь все свои обрывочные сведения о японском языке.

Девушка замолчала, посмотрела на наручные часы, снова откинула назад свои волосы.

– Наояя Мидори, – все же сказала она, протягивая тонкую руку.

– Ю Чонхо, – в ответ произнес он, принимая рукопожатие.

– Еще увидимся, Ю-кун! – Она чуть наклонила голову к плечу, красиво улыбнувшись, а потом быстро ушла, повернув на другую улицу, только ее и видели. Чонхо еще ощущал на своей ладони белоснежный шелк ее прикосновения.

Он посмотрел на тыльную сторону ладони, перевернул, не найдя ничего особенного, и выкинул это все из головы. На небе появились белые кудрявые гребешки маленьких облаков, и солнце стало светить как-то по-другому, не ярко, но мягким, нежным золотистым светом, а ветер бережно обвивал все тело, словно хотел унести в неведомые дали, куда-то на восток. В этом районе не было ничего интересного, лишь серые офисные здания, заводы, цветные вывески, многочисленные припаркованные автомобили, спешащие по своим, крайне важным делам люди. Увидимся... Да Чонхо нигде дальше пределов Сеула не был, а она из другой страны. Он чуть тряхнул головой, тут же вспомнив, что надо купить кое-что из хозяйственных товаров.

*Ынхасу – Млечный путь

**Ханган – река в Сеуле

* * *

В среду она в первый раз отправилась в Университет Корё, в Сонбукку. Центральный сквер оказался намного просторней, чем в Осаке, а каменное бежевое здание Университета, стилизованное под европейские строения викторианской эпохи, тут же бросалось в глаза. Направляясь к главному входу, Мидори вдруг неожиданно для самой себя остановилась перед самыми распахнутыми дверями. Ее поразила закравшаяся неизвестно откуда мысль о том, что все эти три дня она вспоминала Дзюна всего несколько раз, хотя еще полмесяца назад думала о нем постоянно, часто плакала, сколько бы ни хотела от этого избавиться. Она вступила в здание Университета. В первый день ей пришлось разбираться все с теми же угнетающими своим обилием документами. В такое время можно было проклясть все на свете, особенно когда после совершения почти всей процедуры говорят, что не хватает какой-то одной, самой важной бумаги. Мидори обыскала все – карманы, сумку, папку, где лежали остальные документы – ее нигде не было. Конечно же, она забыла ее дома, среди прочего бумажного хлама. Как назло кухня в этот день работала, дома никого не было, чтобы привезти документ сюда. Мидори была вынуждена отправиться за ним обратно домой, на другой конец города.

Затерявшись в высоких зданиях центра города, она вдруг забыла, в какой стороне располагалась нужная станция метро. А время не ждало – Университет скоро прекращал свою работу. Запутавшись вконец, потеряв много времени и пройдя дюжину улиц, она увидела свое единственное спасение на другой стороне дороги, около обочины, на фоне пестреющих дзелькв. Она всегда боялась поездок на мотоциклах, но сейчас долго выбирать не приходилось. Мотоциклист в черной кожаной куртке уже собирался ехать, она окликнула его что есть мочи, забыв, как по-корейски будет «черный», все же она учила его слишком давно, и первое время часто возникали сложности с речью.

Вряд ли она решилась бы на такое излишне самоуверенное поведение в других случаях, но в этот день другого выхода не было. Молодой человек, слишком серьезный и угрюмый на ее взгляд, согласился подвезти ее, к счастью. Пока мотоцикл преодолевал один десяток километров за другим, она сотню раз успела пожалеть о своем опрометчивом решении. Движение было плотное, плюс к этому с другой стороны, о чем она начисто забыла. Глупо было требовать перестроиться на левую сторону, Мидори ненавидела подобные ситуации. Она ехала с закрытыми глазами – скорость была очень высока, и ей казалось, что еще немного, и ветер подхватит ее и унесет далеко-далеко. Вдруг ей вспомнились ее поездки с Дзюном, совсем не похожие на эту. Тогда она все же чувствовала себя в безопасности, он ездил медленней, ему некуда была спешить, а этот черный мотоциклист... Она посмотрела на его голову, защищенную мотоциклетным шлемом, выразившим серьезность и сосредоточенность не хуже чем мимика его лица, посмотрела на широкие плечи... Этого хватило, чтобы все страхи приутихли.

Они доехали быстро, можно было бы сказать – в мгновение ока. Она вздохнула с облегчением, когда ее ноги коснулись земли. Наконец, она смогла по-настоящему рассмотреть лицо своего спасителя и имя заодно узнать. Ю Чонхо, человек, улыбку которого она вдруг захотела непременно увидеть, был высок и строен. Его глаза она запомнила сразу – они были необычно светлые, теплые, словно вечер ранней осенью. Они расстались так же быстро и неожиданно, как и встретились.

Вернувшись домой, она забрала нужную бумагу. Но это не оставило в ее сознании таких сильных и противоречивых эмоций как то, что она испытала, когда посмотрела на экран своего телефона. Оказалось, Дзюн звонил ей, когда она ехала сюда. На экране высвечивалось три пропущенных звонка. Она обрадовалась и вместе с тем по ее щеке скатилась непрошенная слеза, она тут же разозлилась на него. В следующий момент испугалась, что пропустила какие-то важные слова. Потом вспомнила, что все важные слова она уже услышала в тот день и больше слышать не собиралась. Она уже хотела удалить номер его телефона, но в последний момент нажала «нет», когда ее телефон услужливо поинтересовался, уверена ли она в своих действиях. Нужно просто купить карту местной компании сотовой связи.

В этот день она была полностью оформлена как студентка по обмену из Японии и теперь на полных правах могла обучаться в Университете Корё. Через несколько дней она поняла, почему Такеджи-сенсей так рекомендовал ей этот университет. Здесь было действительно интересно, и насыщенные впечатлениями дни заставили забыть о пропущенных звонках. Новые знакомства, новые места уютной столицы маленькой страны, новые кадры – все это дарило массу впечатлений, затмевающих чувства, испытанные после предательства любимого человека. И все же эти новые впечатления не могли спасти ее от ощущения стекающих по щекам слез ночной порой. Но так было все реже, реже...

* * *

На этот раз победа в матче против команды Ульсана была подобна дыму – настолько близко, что можно было рукой достать, но ни за что не ухватишь. Тяжко переносить поражение, особенно если ради победы прилагаешь все усилия, какие только можешь, и многим жертвуешь. И иногда эти жертвы только увеличиваются, даже если вначале об этом совсем не подозреваешь.

– Конечно, это случалось и раньше, но вчера, в воскресенье, ты превзошел сам себя, – начал заведомо неприятный разговор глава небольшой фирмы по доставке продуктов. Утром он вызвал к себе в кабинет ранее бесценного работника. Он долго подбирал слова, как можно более мягкие для той новости, которую собирался сказать, ведь все же он ценил его.

– Были причины, – уклончиво ответил Чонхо, совсем не пытаясь оправдать себя.

– А у тебя всегда найдутся причины... – устало сказал Со Ён Рэ, повертев в пальцах карандаш, который давно пора было поточить. – Что с тобой случилось?

Он поднял глаза на Чонхо, ожидая ответа. Тот хранил молчание, рассматривая лежавшие на рабочем столе бумаги.

– Не можешь сказать ничего... – Со Ён Рэ устало прикрыл глаза, неосознанно свел брови, отчего морщин на его немолодом уже лице стало больше. – Тогда мне придется уволить тебя. В городе есть еще много людей, готовых выполнять твою работу.

В ответ Чонхо лишь чуть поклонился, уже собрался уходить, но начальник окликнул его:

– Мне, правда, жаль. – Он печально улыбнулся. – Два месяца назад ты был отличным работником, а теперь... И, пожалуйста, сдай мотоцикл в общий гараж.

Об этом Чонхо совсем забыл. Мотоцикл для него был самым лучшим другом, сопровождавшим его и в радости, и в горе, преодолевшим с ним не одну сотню километров. Напоминание о том, что это все же не его собственность кольнуло в самую глубину сердца. Он как можно быстрее покинул кабинет, хлопнув дверью так, что разбросанные на столе листы подхватил поднявшийся от этого ветер. Завезя мотоцикл в гараж, Чонхо незаметно погладил руль. Он долго медлил отдать охраннику ключи.

Непривычно было идти пешком, не хватало скорости, но это сейчас было очень кстати. С трудом сдерживая раздражение от всех невзгод, что навалились на него в последнее время, от двойного проигрыша его команды до отсутствия хотя бы одной воны в кармане, он думал о новом источнике заработка. До выигрыша в молодежной лиге было еще далеко, и теперь это казалось совсем сказочным. Конечно, он не собирался переезжать кого-то мотоциклом, если они не выиграют, как обещал сгоряча когда-то своему сотоварищу по команде, тем более что теперь и переезжать-то было нечем, но от этого легче не становилось. Чонхо чуть улыбнулся, вспомнив свое грозное обещание своему младшему товарищу по команде.

Звук затвора фотоаппарата заставил его вернуться в действительность. Улыбка на его лице оставалась немного дольше, чем обычно, но она быстро сменилась плотно сжатыми губами и сведенными бровями, когда он увидел перед собой девушку с каштановыми волосами и лучистыми глазами. Она улыбалась.

– Я же говорила, что мы еще встретимся! – Она опустила фотоаппарат и подошла ближе. – Привет, Ю-кун.

Чонхо растерял все слова от удивления, и ненадолго все проблемы отошли на второй план. Он неосознанно провел рукой по волосам, лежавшим как попало.

– Привет... – он несколько секунд вспоминал ее имя, – Мидори, да?

Она кивнула, все так же светло улыбаясь. Легкое теплое дуновение ветра снова привело черные волосы Чонхо в первоначальное состояние, они всегда чуть-чуть вились. Длинные сережки Мидори издали приятный мелодичный звук. Молчание затянулось, осознав это, Чонхо поднял голову и отвел взгляд в сторону. Слишком долго он смотрел в ее глаза, задумавшись о чем-то далеком.

– А ты... здесь что делаешь? – наконец он нашел что сказать.

– Я живу здесь неподалеку. Вот, решила пройтись. Нужно выполнить очень важное секретное задание.

Он вопросительно посмотрел на нее. Его взгляд снова задержался на ней, немного дольше, чем нужно было бы.

– Ладно, тебе я скажу, раз уж так интересно, – ответила она на немой вопрос. – Мне нужно сфотографировать начало лета. Знаешь, последний кадр мог бы подойти... Хочешь посмотреть?

– Зачем тебе это нужно? – сказал Чонхо вместо ответа.

– Я же сказала – задание. Искусство, работа, как там оно называется... – Она достала из сумочки блокнот, пролиставла несколько страниц. – Э, коре ва... про-ект, – прочитала она слово в блокноте. – Что-то вроде этого.

Она посмотрела по сторонам, приложив тонкую ладонь ко лбу – солнце сегодня было слишком ярким, искала что-то.

– А где твой мотоцикл? – наконец спросила она.

– Я... тоже решил пройтись, – он не хотел рассказывать подробности. Зачем омрачать день, когда он только начал приносить что-то приятное? – Наверное, мне пора... – сказал он, после вновь установившегося молчания, заставлявшего его чувствовать давно забытое смущение, ощущение довольно необычное, но дарящее тепло внутри.

– Уже? Ладно... – в ее глазах промелькнуло что-то вроде грусти, не поддельной, но самой настоящей. – Но можно я еще раз тебя сфотографирую?

Чонхо чуть усмехнулся. Давно он не слышал таких предложений, это было необычно. Он редко фотографировался, просто не было времени на такие глупости. Наверное, поэтому сердце забило немного быстрее, упустив свой обычный размеренный ритм.

– Неужели я так подхожу для фотографий?.. – пробормотал он, послушно становясь на то место, куда она указала.

По ее мнению лучше всего ему подходил фон зеленеющих дзелькв, благо небольшой парк был совсем близко, в двух шагах от них. А еще голову приподнять, и сдвинуться немного вправо... Снимок вышел неплохим.

– Вроде красиво. – Она смотрела на только что сделанную фотографию на маленьком экране фотоаппарата. – Но предыдущая все равно лучше. Там ты улыбаешься.

Вновь порыв ветра. На секунду его черная челка лишила возможности видеть окружающий мир. После того, как Чонхо откинул ее со лба, перед ним уже никого не оказалось. Вот как, даже не попрощалась. Всю оставшуюся дорогу домой Чонхо думал о своей личной красивой галлюцинации, оставив попытки выкинуть ее из головы. Все равно это была одна из первых задач за последнее время, с которой он не мог справиться. Да и не хотел с ней справляться.

* * *

При первой встрече Мидори захотела увидеть улыбку этого хмурого черного мотоциклиста, она любила фотографировать улыбающихся людей, ведь у каждого своя, неповторимая улыбка. Судьба не заставила ее долго ждать. Она вновь встретила Чонхо в совершенно неожиданном месте, недалеко от дома ее кухни. В таком большом городе она и не мечтала встретить его еще раз, в Сеуле было очень много людей, не так, как в Осаке. В тот день Мидори гуляла по окрестностям, в надежде получить удачный кадр для выполнения заданного в университете проекта по фотографии образа лета, как его можно представить. Мидори увидела Чонхо еще издалека, сразу узнав его. Он брел, задумчиво разглядывая асфальт у себя под ногами, сведя брови и засунув руки в карманы. Ей вдруг стало непонятно, почему он прячет свои красивые необычного цвета светло-карие глаза. Его улыбка оказалась такой же теплой, как и глаза. Теплой и обнадеживающей. Она успела сфотографировать это, но надежнее всего это сохранилось в ее сердце. О чем он думал, улыбаясь своим мыслям? О смешном моменте недавно увиденного фильма или о своей девушке? А может, о своей собаке, весело махающей хвостом? Предположений может быть тысяча, но независимо от этого улыбка была теплой. И немного печальной. Еще один кадр, сделанный с ним, оказался не столь удачным. Человека нельзя заставить искренне улыбаться.

Мидори покинула его быстро, не став слишком навязывать свое общество. В этом городе она старалась не заводить близких знакомств, все равно она здесь ненадолго, а расставаться с близкими знакомыми она не любила. Она уже хотела предложить Чонхо прогуляться где-нибудь вместе, но в последний момент передумала. С ним было бы намного больнее расставаться, чем со знакомыми из университета.

– Мне сегодня твой Кикучи-кун звонил, – слова кухни прозвучали как гром среди ясного неба.

Мидори пришла домой позже, чем предполагала. Пораженная новостью, она некоторое время простояла на пороге неподвижно.

– Что говорил? – наконец, спросила она.

– Спрашивал, не видела ли я тебя. Я ответила, что не видела давно, что ты ко мне не приезжала. Я правильно сказала? – Ан вопросительно посмотрела на кузину.

– Да, да... правильно, – ответила Мидори тихо, наклонившись, чтобы развязать шнурки кед.

– Между вами что-то произошло? Почему он так спрашивал?

– Ничего... совершенно ничего не произошло, все хорошо. – Мидори натянуто улыбнулась и прошла в свою комнату, так и оставаясь там до следующего утра.

Она совсем не могла понять, что Дзюну еще от нее надо? После сказанных им слов, после этого поцелуя, после этой Харуки, от которой она всегда старалась держаться подальше, если была на репетициях их группы... после этого всего вернуться к прежним отношениям не представлялось возможным. Мидори отринула эти мысли далеко, насколько это возможно. Он только использовал ее.

Она взяла свой фотоаппарат и начала просматривать сделанные фотографии. Ханган оказался слишком искрист, каждая капля его отражала высокое солнце, а дети, играющие около фонтана, передали свое веселье и фотографии. Она переключила на последние кадры, подарившие сердцу теплоту, легкость, словно ласковый ветерок забрал с собой все, что его мучило. Мидори еще долго смотрела на этот кадр. Наконец, улегшись в постель, она заснула с улыбкой на губах.

Неделя пролетела незаметно. Дзюн больше не звонил, она поменяла номер телефона и вспоминала о нем намного реже, чем два месяца назад. Так было легче. Суббота, середина июля. Этот светлый во многих отношениях день был последним учебным днем перед летними каникулами, которые должны были продлиться до самого конца августа. День, когда должен был быть назван самый лучший проект. День, когда солнце светило по-особенному, а птицы пели свою вечную мелодию намного красивее, чем обычно.

Мидори вышла из дома немного раньше, чем нужно было. Она хотела прогуляться не спеша в этом красивом просторном университетском парке перед началом занятий. Теплый ветер приятно касался кожи, мягко развеивал волосы. Редкие студенты шли в этот день на занятия, все же последний день перед каникулами был не столь важен. Во всяком случае, для них. А Мидори и не обращала на них особого внимания, птицы так красиво пели, искусно выводя одну ноту за другой.

Но все же одного юношу она была вынуждена заметить и забыть его уже не могла. На несколько лет старше ее, с высветленными волосами и интеллигентным лицом, он напевал свою мелодию, которая заставила ее вздрогнуть, пробуждая тяжелые воспоминания. Больше всего она не ожидала услышать эту песню здесь, в другой стране. Мидори остановилась у края дорожки, поправила упавшие на лицо волосы, заодно проследив взглядом за светловолосым молодым человеком до самых дверей университета.

Было мало причин приходить в университет в этот день, и Мидори вспоминала об этом еще не раз. Но сделанного не воротишь, и приходилось безропотно слушать последнюю лекцию. Она так и не смогла выкинуть этого светловолосого парня из головы, слишком о многом его мелодия напоминала ей. О родном городе, о ее доме... впервые за долгое время она думала о Дзюне. Что он делает теперь, записал ли новую песню, встречается ли с Томоямой Харукой, а может, нашел себе еще один более подходящий вариант? Впервые за долгое время она смогла вспомнить все это без сожалений и мокрых дорожек на щеках. И новость о том, что ее проект занял лишь второе место не портила общего настроения, все равно результаты промежуточных тестов оказались выше ожидаемых, почти все с высшим баллом.

Она уже была в холле университета, перед его центральным входом, собираясь выйти. Но так быстро сделать это ей не удалось, она вновь заметила издали того молодого человека. Не сумев удержаться от искушения, она подошла к нему.

– Привет, – сказал он ей, заметив девушку, явно желавшую сказать что-то непосредственно ему. – Тебе что-то нужно?

– Всего лишь узнать, – начала она без лишних предисловий и вступлений. – Сегодня утром по дороге сюда ты напевал одну песню... – Вдруг она смутилась от своих же слов, опустила голову, но через секунду вскинула опять – он был довольно высок для нее. – Откуда ты ее знаешь?

Он долго непонимающе смотрел на нее, почесал затылок, что активизироваться памяти никак не помогло.

– Какую песню? – наконец решил уточнить он.

– Там, в парке, под деревьями, где азалия цветет... Шел и напевал, а я услышала.

– Песню... – повторил он, задумавшись. – А, эту!

Парень пропел несколько нот той песни.

– Да, эту. Откуда ты ее знаешь? – повторила она свой вопрос.

Большинство студентов уже покинули университет, оставив в нем лишь первозданную тишину. Мидори выжидающе смотрела на него.

– Наверное, оттуда, откуда и все узнают какую-то информацию. – Парень посмотрел на наручные часы, чуть свел брови. Явно куда-то спешил. – В интернете нашел, – на всякий случай решил уточнить он.

– Вот как...

– Понравилась?

– Что-то вроде того.

Он вновь посмотрел на часы, положил тетрадь, которую он до этого времени держал в руке, в рюкзак. Она уже хотела уйти, ведь все, что ей было нужно, она уже узнала. Вдруг парень, щелкнув пальцами, будто что-то вспомнил, сказал:

– Постой, ты же из Японии? Ведь так?

Она нехотя кивнула, пожалев, что не прекратила разговор раньше. Теперь и она посмотрела на электронные часы, которые были над входом на главную лестницу.

– И не знаешь этой песни? Говорят, ее часто по радио там крутят.

– Да нет, знаю, видела... то есть слышала, один раз слышала.

– Ты их видела? Правда? – парень заметно оживился, но тут же прервал себя. – Может, пойдём? Уже много времени, как раз по дороге поговорим, – он шагнул к дверям, вначале пропустив ее. – Так видела?

Теперь он вел себя как ребенок – настолько докучливо интересовался всем. Мидори успела пожалеть сотню раз, что начала этот разговор. Начавшийся золотым солнцем день теперь встретил вышедших из древнего здания хмурыщимся небом.

– Видела, один раз видела издали, рассмотреть не успела.

– Жаль... – он как-то сник. – А они вроде из Осаки, – припомнил он. – А ты откуда?

– Из Дайто, – сказала она первое название, которое ей пришло в голову, потому что Хирамаки-кун был как раз оттуда, что служило иногда поводом для всяческих подколов. То, что город находился в той же префектуре, очень близко к Осаке, новоявленный собеседник просто не должен был знать, решила она.

Парень действительно не знал, а может, просто забыл. У старшекурсников, должно быть, много дел, и забивать голову ненужными названиями было бы расточительно. На том разговор, наконец, закончился, и их дороги разошлись. Ему нужно было к автобусной остановке, ей – к станции метро Кирум. Уже разойдясь на несколько шагов, парень вспомнил, что неприлично не узнать имя, проговорив столько времени.

– Мидори... – повторил он за ней, услышав, как ее зовут. – Красивое имя. Зеленый, да? Она кивнула, вдруг подумав, что не такой уж и раздражающий был этот парень. Просто излишне любопытный.

– А меня зовут Ан Чи Вон. Еще увидимся!

Она улыбнулась, не найдясь, что ответить. Чи Вон направился к остановке, куда тут же подъехал автобус, Мидори не спеша шла ко входу в метро, намного более запутанному, чем в Осаке. Дома нужную станцию проехать было не страшно – легко вернуться обратно. Здесь, отвлекшись ненадолго, можно было обнаружить себя в другом городе.

Выйдя на светлую поверхность района Куро, Мидори вдруг осознала, что ей жутко не хочется идти домой. Да и не дом это был, всего лишь комната, данная на время. Она любила Ан, в Осаке они часто были вместе: ходили за покупками, гуляли, разговаривали о многом. Теперь у кузины была своя жизнь, взрослая, с мужем. Мидори часто задерживалась где-то, чтобы не приходиться в чужой дом и не нарушать единство чужой семейной жизни.

В этот день она решила сделать несколько снимков. Просто так, не из необходимости, а от нечего делать. Фотография всегда помогала отвлечься, а сейчас ей было просто необходимо забыть эту проклятую песню, которая никак не желала покидать ее голову. Забираясь все дальше по маленьким улочкам, мимо небольшого, но не менее красивого от этого фонтана около больницы Куро, через парк, не имеющий возможности похвалиться разнообразием растительности, она пришла к тропе вдоль дамбы реки Аньянь. Она блестела и переливалась, текла быстро и стремительно, словно перепрыгивала с камня на камень.

Сделав пару снимков речки, Мидори положила фотоаппарат в сумку, больше не предвидя красочных пейзажей. Да и настроение этому не способствовало. Она уже повесила сумку на плечо, пару раз поправила – сумка никак не хотела удерживаться, вздохнула, оставила все как есть. В следующий момент все произошло так внезапно, что больше было похоже на какой-то неудачный сон.

Быстрые шаги по грунтовой дорожке раздались за спиной совершенно неожиданно. Она еще успела обернуться, даже заметила парня с коротко стриженными волосами и черными глазами. Больше увидеть ничего не удалось, потому что парень вдруг стремительно сорвался с места и, не побрезговав заодно сорвать сумку с плеча, скрылся за ближайшим поворотом. Это произошло настолько быстро, что Мидори даже побежать за ним не успела, просто растерявшись, а когда выбежала за поворот, никого не увидела, только пустоту и спешащую по своим делам кошку. Вдали слышался лишь приглушенный шум города и шелест речки.

– Ксо... – только и сказала громко она, хотя обычно таких слов себе не позволяла. Она зажмурила глаза и вновь открыла, увидев прежнюю картину пустой дорожки. На глаза навернулись слезы, но она их сдержала. Слишком часто она плакала последние два месяца. Оставшись с пустыми руками и монетой в сотню иен в кармане, хотя здесь она была совершенно бесполезна, Мидори посмотрела на заходящее солнце, вновь подавила ненужные слезы и отправилась к дому кузины, хотя пешком должно было выйти намного дольше, чем на автобусе. Что поделать? Все проездные билеты тоже остались в злосчастной сумке. Фотоаппарат хранил в своей памяти многие бесценные кадры.

Солнце, освободившееся от недавнего покрова облаков, лениво освещало город. Через некоторое время оно должно было уйти на покой, оно устало смотреть на глупые поступки людей сегодня. Окна домов отражали красный свет, порой ослепляя прохожих, окрашивая их в красный, рыжий, золотой. Даже черный становился темно-коричневым, чего нельзя было сказать о черных глазах – они оставались непроницаемыми. Стремительно бегущий парень уже начал сбавлять скорость, глупая сумка успела утомить его пуше простого бега, но он все же продолжал бежать дальше, огибая прохожих, иногда выходя на проезжую часть. Сегодня ему досталась ощутимая добыча, он знал, что такие фотоаппараты дешево не стоят, особенно

если они произведены в самой Японии. Деньги от продажи его были бы парню очень кстати, два дня назад он начисто проигрался в падук*, свою давнюю слабость.

Но добежать до места, где он смог бы продать почти новый фотоаппарат, он так и не смог. Отвлёкшись на проходившую мимо девушку в непомерно короткой юбке, он на полной скорости врезался в другого прохожего, чуть выше его и обладающего большей устойчивостью, чем он сам. Асфальт оказался очень жестким. Без лишних слов этот прохожий в черной кожаной куртке протянул руку, чтобы помочь подняться.

– Не сильно ушибся? – спросил он его.

– Нет, – коротко сказал парень низким голосом, отряхивая свою одежду от дорожной пыли и поднимая оторвавшуюся пуговицу.

– Вот, ты еще кое-что потерял... – произнес случайный прохожий, поднимая украденную сумку и внимательно ее рассматривая.

– А, спасибо, – испугался парень, протягивая руку, чтобы взять сумку, белую, с зелеными полосами.

– Ты носишь женские сумки? – Прохожий уставился на него, прожигая своими странными светлыми глазами.

Он открыл ее, взглянул на содержимое, достал какой-то документ, прочитал его, в секунду изменившись в лице. Теперь его глаза потемнели до неузнаваемости.

– Это я должен отнести, это не мое... – промямлил парень, все еще продолжая пытаться отнять сумку.

– Не твое, – вкрадчиво согласился прохожий. Потом ухватил за воротник белого пиджака, который люди определенного социального статуса обычно носят в Чхольсан, районе, где наиболее часто происходят уличные кражи, и притянул к себе, сказав угрожающе: – Если ты не исчезнешь отсюда в течение пяти секунд, мне придется отвести тебя в полицию, только... – он осмотрел его с ног до головы, – сначала я тебя мотоциклом перееду.

Слова прохожего не теряли своей внушительности от того, что рядом никакого мотоцикла видно не было. Парень не мог припомнить, когда еще он бегал с такой скоростью. Счастливым для него превратился в один из самых худших на этой неделе.

*падук – традиционная настольная игра, пришедшая из Китая (вэйци).

Солнце практически зашло за горизонт, но на странице удостоверения студента Университета Корё четко виднелось имя. Наояя Мидори... в какие неприятности она успела попасть? Чонхо протер слипавшиеся глаза – за сегодня он устал, как не уставал долго. Вторая игра с командой из Кённама вымотала игроков полностью, но это оказалось совершенно бесполезно – им снова не удалось одолеть их. Плюс ко всему этот долгий разговор с господином Ким Ён Пхё, главным тренером национальной молодежной сборной, армия бумаг и документов. Усталость все больше давала о себе знать, но идти домой совершенно не хотелось, хотя сегодня был день рождения его младшей сестры. В этот вечер ему обязательно нужно пройтись, подышать свежим воздухом.

Но обо всем этом он забыл, увидев имя в удостоверении. Сердце дрогнуло, ему захотелось тут же увидеть, что с ней не случилось ничего плохого. Он знал, что люди такого рода, как тот, кого он только что встретил, просто крадут ради денег, не связываясь с делами потяжелее, прекрасно знал, что никакой опасности кроме потери денег они не представляют, но... поделаться с собой ничего не мог. Единственное, что представлялось ему возможным сейчас – отнести сумку по указанному в еще одном найденном документе месту проживания. Искать ее в вечернем городе было бесполезно – слишком темно, слишком шумно.

Запустив руку в волосы, он снова прочитал адрес. Не так далеко, около получаса пешком. Несколько раз ему приходилось доставлять еду по этому адресу, он хорошо знал, как добраться туда побыстрее. Вначале сохраняя внешнее спокойствие, он постепенно терял его, увеличивал скорость, шел быстрее, часто задевал прохожих, но на извинения не тратил вре-

мени. Он не мог знать, что увидит в этом доме, кого встретит, но достаточно было удостовериться, что с ней все в порядке. Того просило сердце, а в последнее время он часто стал поддаваться его требованиям. Мидори приходилась ему лишь случайной встречной, знакомой, но, вспоминая их последнюю встречу, он чувствовал, как в груди разливается сладкое тепло. Вроде не болит, и можно бегать и вести мяч, сколько вздумается ему или защитникам противоположной команды, но эти воспоминания часто его отвлекали, и в то же время были чертовски приятными. В первый раз она его раздражала, потом он забыл это раздражение навсегда, и оно сменилось интересом, а потом чем-то более сложным, что определению не поддавалось. А теперь она могла быть в беде, и осознание этого не давало покоя. Он не находил себе места, если близкие люди попадали в беду, просто старался не показывать этого, хотя люди, знавшие его поверхностно, сказали бы, что он смотрит на все свысока, и ничто в этом мире, кроме него самого, не волнует.

На темно-синем шелковистом небе, укрывавшем город на ночь, появлялись первые звезды. Чонхо постарался отвлечься, вспоминая все, что обязан был сделать в следующий день. Поискать работу, которую не нашел до сих пор, ведь мало кто собирался брать работника на половину рабочего дня. В первый раз встретиться с командой Ким Ён Пхё, который должен был определиться со стартовым составом для матча через неделю. В следующий день на стадион в Янчхонгу идти не было нужно – в турнире около двух следующих недель не должно было быть никаких матчей, там и так наметились явные лидеры, которых не представлялось возможным вытеснить с вершины турнирной таблицы. Их команда была лишь на шестом месте. Съездить в...

Вот и ее дом, высокое здание, вмещавшее в себе сотни квартир, окна которых выделялись желтым неживым светом на темном непроглядном фоне серых панелей, лишь их верхний ряд отличался неестественным холодным белым блеском – то всходила полная луна. Мало кого можно было встретить здесь в это время. Вдали затянула свой нескончаемый вой сирена машины скорой помощи, заставив беспокойное сердце вновь застучать быстрее. Оставалось совсем немного, всего лишь подняться на нужный этаж, пятнадцатый вроде... Лифт в таких домах, постройки девяностых годов, опускается с такой же скоростью, как и поднимается – один этаж в долгих семь секунд. Как назло, когда Чонхо зашел в подъезд с люминесцентной лампой, мигающей от излишне хорошего настроения, лифт оказался на последнем этаже, пришлось долго ждать. Тихо... где-то хлопнула дверь, ветер от открытой двери подъезда взлохматил волосы. Наконец, лифт нехотя открыл свои двери, недовольно поскрипывая. Он уже хотел нажать кнопку под номером пятнадцать, как вдруг раздался девичий голос, просивший подождать. Чонхо пришлось придержать закрывавшуюся дверь, недовольно отъехавшую снова в сторону. Из-за угла светло-голубой стены подъезда показалась девушка, еле переставлявшая ноги от усталости...

– Мидори? – Парень не поверил собственным глазам. Перед ним на миг остановилась та, о которой он думал в этот час, переживал, хотел отвязаться, отдав сумку. Она тяжело дышала, была бледна, каштановые волосы печально обрамляли лицо, а глаза были полны удивления, облегчения, радости, печали... и многим чем еще.

– Да, я... – подтвердила она, зайдя в лифт. – А ты что здесь делаешь?

– Да вот, принес кое-что. – Он неосознанно спрятал сумку за спину. Как только он увидел ее, на душе сделалось спокойнее, а сердце пропустило один удар, заиграв свою музыку. Он не мог терпеть, когда его сердце так коварно поступало с ним. Наверное, оно знало, что происходит с ним, больше, чем он сам.

Она недоверчиво посмотрела на Чонхо, ожидая пояснений. Лифт начал свое медленное движение вверх. Чонхо достал из-за спины сумку, протянул ей. Мидори, не поверив сначала, взглянула на нее, потом на парня и снова на сумку.

– Это ведь твое, да? – спросил он.

Она взяла сумку, чуть подрагивавшими руками, на всякий случай быстро проверила содержимое – все оказалось на месте. Ей вдруг захотелось танцевать от счастья, внезапно зашедшего в ее подъезд. Сумев сдержать порыв внезапной радости, она рассмеялась.

– Как? – только и смогла произнести она. Десятый этаж.

– Встретил твоего недавнего знакомого, я полагаю... – Он уставился на двери лифта, чтоб сердце не стучало так сильно. Одиннадцатый этаж.

– И отобрал? А откуда ты знал, что сумка моя? – Она прислонилась к дребезжащей стенке лифта. Двенадцатый...

– Там твоя карта студента и... вот, – вконец растерялся он, снова провел рукой по непослушным волосам.

– А... – вновь начала Мидори и остановилась.

– Что? – он невольно посмотрел на нее.

– Ничего... Я просто хотела сказать тебе спасибо, – она улыбнулась, чуть поклонившись. – Домо аригато*, Ю-кун.

Двери лифта открылись, а они еще стояли там, не торопясь выходить. Первая спохватилась Мидори, когда двери начали со скрипом закрываться. Пришлось снова их придерживать. Чонхо последовал за ней на площадку, хотя особой надобности в этом не было. Вновь повисло неловкое молчание. Где-то за непрочной металлической дверью играла громкая электронная музыка. Краешек луны заглянул в окно, поделившись с электрическим светом лампы своим серебром.

– Э... – решил возобновить разговор Чонхо, но тут же замолчал.

– Что? – подтолкнула она его к продолжению.

– Ничего... просто, знаешь, может, у вас там так принято, но я называю тебя по имени. Зови и ты меня так же, не по фамилии. – Он уставился на разбросанные на полу листочки с рекламой. Еще немного, и он готов был проклясть навязавшееся ему чувство, именуемое смущением. С чего бы это вдруг?

– Хорошо, Чон-кун, буду стараться. – Она улыбнулась вновь, склонив голову к плечу по привычке. Золотые сережки сверкнули холодным светом.

Она вдруг поняла, что он совсем не отрицает возможность общаться дальше. Главное – не привязываться, решила она, но это показалось уже довольно проблематичным.

– Я пойду, наверное, – вновь прервал он повисшее молчание, нажав кнопку вызова лифта. Уйти сейчас казалось лучшим избавлением от тяжелого стука в груди.

– Нет, нет, нет! – запротестовала она, ухватившись за его руку и тут же испуганно отпустив. – Ты меня выручал целых два раза, а я тебя так и не отблагодарила по-настоящему... – Она посмотрела на часы, обдумывая что-то.

Он терпеливо ждал, внимательно изучая свои кроссовки. На правом царапина появилась... Надо будет починить.

– Я буду корить себя до конца жизни, если не угощу тебя чашкой кофе, – наконец, выдала она, задорно взглянув на него.

Луна заинтересованно заглядывала в окно уже наполовину. Электронная музыка вдруг сменилась классическим произведением. Бетховен, кажется.

– Н-нет, – ответил он, так и не подняв головы. – Я не могу, мне надо... – Он задумался, вспоминая, а что ему, собственно, надо сделать в это время, но так и не нашел ничего необходимого.

– Я твой должник, – заявила она. – А долги я привыкла отдавать. И потом, я забыла сказать, что возражения не принимаются.

Он взглянул в ее глаза, вдруг осознав, как по-дурацки себя ведет. Она просила, несмотря на свои заявления о невозможности возражений. Как он мог отказывать? В своей скорлупе отчуждения он был практически недостижим для остального мира. Теперь он оказался безза-

щитным, эта неуязвимая скорлупа была разбита вдребезги какой-то хрупкой девчонкой. Он подождал ее пять минут, пока она зашла домой, чтобы привести себя в порядок после тяжелого дня. Когда она вышла, его сердце вновь пропустило положенный удар. Всего лишь простое короткое бежевое платье с темно-зеленым шелковым платком, но выглядела она в нем восхитительно. Каштановые волосы придерживал ободок, и глаза ее сияли словно далекие звезды.

– Ты... красивая, – только и сказал он, поспешив отвернуться, чтобы снова вызвать лифт, и вдруг вспомнил ни с того ни с сего: – А где твои сережки?

Явно они были ей дороги, она всегда их носила. Чонхо ясно запомнил это искусное украшение. Она помолчала пару секунд, посмотрела в сторону, в окно, поправила платок.

– Они мне больше не нужны, – наконец, ответила она, улыбнувшись своей прежней улыбкой.

Странны были эти ее слова, да он и не хотел их понимать, а она не сочла нужным пояснить их смысл. Когда они вышли из подъезда, их окутала темнота теплой летней ночи, изредка рассеиваемая вечными стражами дороги – фонарями. Но, несмотря на это, было еще не так поздно, и в городе начиналась своя ночная жизнь, полная сверкающих разноцветных огней и электронной музыки. Большую часть дороги они молчали, да и дорога была не длинна, просто так казалось. Улица Касан-дон оказалась на удивление тихой. Только случайный прохожий мог здесь пройти.

Кафе «Халиско» было довольно уютным для здания таких размеров, не совсем маленькое и не совсем большое. Снаружи не было ничего примечательного, но зайдя внутрь, можно было почувствовать что-то особенное, теплое. Для субботнего вечера здесь было сравнительно мало посетителей.

Они сделали небольшой заказ, состоящий из двух чашек кофе и круассанов, французских, если верить названию в меню.

– Тут... приятно, – сказал Чонхо, уставившись в темное окно.

– Да, я тут часто бываю, – ответила Мидори.

И вновь настала тишина. Он говорил, будто вытаскивал из себя слова щипцами, чтобы хоть как-то поддержать разговор, а она просто не хотела откровенничать, что значило привязаться. Где-то справа прозвенел колокольчик – посетитель позвал официанта.

– А...

– Послушай...

На этот раз они начали говорить одновременно, сразу смолкнув, боясь перебить друг друга.

– Прости, – извинился он неизвестно за что.

– Говори, – подтолкнула она к разговору. – Что ты хотел сказать?

– Вот... Как получился твой проект?

Она сделала глоток кофе, улыбнулась, вспоминая что-то.

– Первое место не занял, но... похвалы получил, – ответила она.

Вдруг он заинтересовался, неожиданно для себя.

– Ты учишься?

– Да, фотографии учусь.

В голове Чонхо пронеслась мысль, что этого бы и следовало ожидать.

– А ты? Чем ты занимаешься? – задала она ответный вопрос.

– Я... – он вдруг замешкался, не зная, что сказать.

– Работаете? – предположила она.

– До недавнего времени работал, – грустно сказал он, решив не лгать ей. – Развозил продукты на заказ, но...

– На том самом мотоцикле развозил? – догадалась она. – Поэтому его забрали...

– Да, – подтвердил он.

– И сейчас не можешь найти работу? – сочувственно спросила она, тепло на него посмотрев.

– Есть кое-что... – он ненадолго задумался. – Надо постараться через неделю... может быть.

– Желаю удачи, Чон-кун, – она улыбнулась и вновь наклонила голову к плечу, так и не поинтересовавшись, где эта удача может пригодиться.

Разговор потух снова. Он допивал свой кофе, роскошь, непозволительная для его семьи. Он и не помнил, когда в последний раз был в кафе или местах, подобных этому. Большую часть времени занимала работа, эти тренировки... – все, способное превратить человека в машину. Она смотрела в окно, в темную даль, освещенную желтым светом, падающим из помещения на разросшиеся во все стороны ветви большого дерева гинкго, покачиваемые легким ночным ветром. Официантка принесла счет.

– В нашем кафе «Халиско» сегодня акция – фирменное мороженое всего за полцены, – говорила официантка, попутно ставя на поднос две чашки. – Не хотите заказать его своей девушке? – обратилась она к Чонхо.

Он удивленно посмотрел на официантку, пару секунд соображая, что она имела в виду. Та терпеливо ждала. Мидори хихикнула, прикрыв рот ладонью.

– Нет, нет, вы неправильно поняли, – спохватился он. – Она не девушка... точнее не моя девушка, мы просто...

– Зря, – сказала официантка, пожав плечами. Относилось ли это замечание к ее первому или ко второму предположению, понять было трудно.

Он резко встал, задев столик, сел обратно, взял лежавшую куртку, обследовал карманы, вытащил все имеющиеся воны, начал их пересчитывать. Мидори все труднее удавалось сдерживать смех.

– Я же говорила, что угощаю тебя. – Она положила на стол нужную сумму, заставив Чонхо вконец смутиться.

– Нет, я не могу... – возразил он.

– Отдашь через неделю, когда постарайся там... что ты там хочешь сделать, – ответила она тоном, не терпящим возражений.

Официантка с интересом наблюдала эту сцену, ведь в кафе все равно больше не на что было смотреть – почти все посетители разошлись, кто домой, а кто продолжать свои поздние ночные гуляния. Ее смена заканчивалась только через два часа, и в эти два часа не предвиделось ничего интересного, кроме наблюдения за оставшимися посетителями и созерцания большой мухи, о которой не могли позаботиться уже второй день – больно прыткая она была.

Было неизвестно, как Мидори удалось убедить Чонхо принять ее плату, но все же это было так. Может, это было и к лучшему, ведь теперь ему нужно было обязательно победить. Не ради молодежной сборной, которая играет за целую страну. Ради нее. Он чуть свел брови по своему обыкновению.

Снаружи вместе с темнотой пришла и промозглая ночная прохлада. Наверху, в необъятной и неизмеримой высоте, звезды переговаривались одна с другой, весело перемигиваясь. Игривый ветер пронесся в неизвестном никому, кроме него самого, направлении. Они медленно шли навстречу этому ветру, что никак не могло согреть. Мидори поежилась, передернув хрупкими плечами.

– Постой, – остановил Чонхо ее.

– М? – она послушно остановилась и, обернувшись, вопросительно посмотрела на него.

– Лучше надень вот это, – с этими словами Чонхо снял свою куртку, накинул на ее плечи, забрав шелковый платок перед этим. Она почувствовала, как холодный воздух принял ее в свои уютные объятия, но тепло тут же надежно окутало ее. Она посмотрела на черную куртку, накинутую на свои плечи.

– А ты? Тебе не холодно? – она посмотрела ему в глаза.

– Нет, – только и ответил он, хотя на нем оставалась только футболка, в способности согреть которой можно было сильно усомниться. Он аккуратно сложил шелк, положил его в свой рюкзак, где, помимо пары мелочей типа бумаг и бумажек, был лишь подарок младшей сестре. У Мидори все равно была маленькая сумка, не та, что ему удалось отобрать у уличного грабителя.

– Ты всегда так обо всех заботишься? – говорила она, чуть улыбаясь. Тепло куртки согревало самую глубину сердца.

Но он больше не произнес ни слова, оставив вопрос без ответа, просто шел рядом, провожая до дома. Было довольно поздно, и ему самому тоже нужно было возвращаться домой, но не проводить он ее не мог – вдруг с ней опять что-нибудь случится? Время пронеслось мгновенно, не успел он опомниться, как они уже оказались у дома, где жила Мидори, будто прошла всего секунда. Но вот уже настало время прощаться.

– Спасибо за то, что помог вернуть мне сумку, – еще раз поблагодарила она, снимая куртку и отдавая ему. Ее снова окутал холод, но она его не почувствовала. – И спасибо за вечер. Сайонара**, Чон-кун.

Она уже хотела открыть дверь подъезда, как всегда двигаясь быстро и непринужденно, словно бабочка порхала над яркими цветами, но Чонхо ее окликнул, заставив немало удивиться – редко он первым начинает разговор.

– У тебя ведь есть телефон? – спросил он, подчиняясь минутному порыву и осознанию того, что чудес на свете не бывает много.

– Да. Хочешь еще раз случайно встретиться?

– Наверное... случайно.

На том они и расстались, обменявшись номерами телефонов. Иногда случайности можно контролировать, и Чонхо непременно захотелось управлять ими на этот раз. Он ясно понимал, что больше ему не удастся забыть эту необычную девушку со светящимися внутренним светом глазами, а если он и захочет, то судьба не позволит ему этого сделать. Клонившаяся к западному склону луна вдруг показалась во всей своей серебряной красе, полностью с ним согласившись.

Он привык приходить домой поздно – так повелось, но никогда он не задерживался по такой причине. Гости, пришедшие поздравить его младшую сестру, уже разошлись, но сама Сун Хо, обвешанная подарками, ложиться спать не спешила и как всегда первая вылетела из-за угла встречать Чонхо. Ее примеру усердно следовал Юнхо, которому тоже перепало кое-что от родственников, из-за чего его обычно серьезное лицо обрело совсем детское выражение простого счастья.

– Братик! – воскликнула Сун Хо, как только входная дверь открылась. Раньше о приходе ее старшего брата возвещал рев страшного тигра под ее окнами, как ей казалось, теперь – только скрип двери. – Ты так поздно пришел, а я только тебя ждала, где ты был так долго?

Сун Хо тараторила с невообразимой скоростью, обхватив его своими маленькими ручками и не давая ему сдвинуться с места. Не говоря ни слова о самом главном, она смотрела на него, явно ожидая чего-то. Она склонила голову к плечу, совсем как... Чонхо тряхнул головой.

– Далеко-далеко, в сказочном восточном королевстве с драконами и говорящими тиграми я долго искал подарок для самой прекрасной маленькой именинницы, – отвечал он сестре, опустившись перед ней на корточки, чтобы было удобней разговаривать, и взяв маленькие ладошки в свои руки.

– Сказочном? – глаза сестры так и загорелись. – И там был добрый император и злой колдун? А принцесса была?

– Принцесса... – Он не заметил, как к порогу вышла мать, прислонившись плечом к стене. – Да, принцесса была тоже.

– И ты спас ее от злого колдуна? – не отставала Сун Хо.

Мать с интересом наблюдала, как ее старший сын сочиняет сказку, что можно было увидеть нечасто. Если не никогда. Его глаза вдруг потеплели, словно он вспоминал что-то приятное, что согревало сердце.

– Спас, рискуя жизнью спас, – отвечал Чонхо.

– А почему не женился? – невинно поинтересовалась сестра, хлопая своими ресницами.

– Потому что... – Чонхо вдруг пожалел обо всем, что говорил последние пять минут.

Он отвел взгляд в сторону, наконец-то заметил мать, снова обратился к сестре: – Ты уже не хочешь увидеть свой подарок?

– Хочу, очень хочу! – Сун Хо тут же забыла сказку, вспомнив о том, что обладало намного большей важностью.

Чонхо опустил рюкзак на пол, открыл, но достал оттуда совсем не то, что ожидала сестра, да и он сам. Зеленый шелк словно струился сквозь пальцы, до сих пор храня тепло.

– Что это? – вдруг спросила мать, до этого молча наблюдавшая за ними.

– Это мое, да? Ты мне это хотел подарить? – вторила Сун Хо.

– Это... нет, это принцессы. – Он сложил платок и спрятал обратно в рюкзак. – У тебя другой подарок.

Чонхо довольно долго искал нужную вещь, то и дело касаясь пальцами невесомого шелка, обжигавшего руки и напоминавшего, что он хочет всей своей легкой и ласковой сущностью вернуться к хозяйке. Наконец, он вытащил из рюкзака красно-желтые наручные часы с улыбающимся солнцем на циферблате. Подарок явно пришелся сестре по вкусу, она тут же надела часы на руку, еще долго любуясь ими. Когда мать все же уговорила ее и Юнхо отправиться лечь спать, она наотрез отказалась снимать их со своего запястья.

– И все-таки, где ты был? Нашел работу? – спросила мать, когда младшие дети заснули, дав остальным обитателям дома насладиться тишиной.

– Нет, всем нужны либо экономисты, либо программисты... – с сожалением ответил матери Чонхо.

Они сидели на кухне. Пак Сончжа***, женщина средних лет с забранными назад волосами и глазами такого же необычного оттенка, как у самого Чонхо, держала в руках чашку чая, изредка отпивая из нее.

– Но нашел что-то другое? – Она снова заинтересованно посмотрела на него.

– Другое, – эхом отозвался Чонхо. Больше мать ничего не смогла от него добиться, сколько бы ни спрашивала. Впрочем, ей и не нужно было узнавать что-то еще, материнское сердце почувствовало все без лишних слов.

– Ты согласился на эту игру? – Мать решила сменить тему разговора. – Будешь бесцельно бегать с мячом?

– Пока предложений лучше нет, – ответил матери Чонхо. Она всегда считала это бесполезной тратой времени, и тот маленький недостаток от ненужных игр ее каждый раз в этом убеждал. Ее сын никогда ей не перечил по этому поводу, но все же продолжал делать то, что считал нужным.

В этот день, длившийся нестерпимо долго, Чонхо долго не мог заснуть. Все события, произошедшие за этот день, мелькали перед глазами, отгоняя сон далеко-далеко в неизвестные дали. Игра была действительно тяжелой, и поражение усиливало эффект горечи многократно. Да и разве можно было надеяться на что-то большее? Уличный вор не добавил хорошего настроения, он был жалок. И эта девушка... за такое малое количество времени она успела заставить его делать то, что ей вздумается, заставить думать о ней и не забывать. Новая случайность не заставила себя долго ждать, и теперь Чонхо был вынужден снова встретиться с ней, чтобы отдать забытую вещь. Эта мысль была последняя перед тем, как его сознание унесла теплая волна сладкого сна.

*Домо аригато – большое спасибо, яп.

**Сайонара – прощай, яп.

***Пак Сончжа – женщины в Корее, выходя замуж, крайне редко меняют свою фамилию на фамилию мужа.

Обычно Чонхо просыпался рано, ведь нужно было спешить на работу, по мере возможностей провожать брата и сестру в школу, а потом это просто вошло в привычку, побороть которую не представлялось возможным. Но именно в этот день он необычно долго не мог покинуть пути сна, и даже солнце, настойчиво светившее в окно, не могло заставить его открыть глаза. Слишком насыщенным был вчерашний день, чтобы так просто оставить его в прошлом. Он проснулся довольно поздно, резко усевшись в постели и безвозвратно потеряв остатки красивого приятного сна, о котором сразу же забыл, и в сердце осталось только ощущение приятной легкости и тепла.

Спешить было некуда – оставалось еще несколько часов до назначенного времени. Такие моменты выдавались нечасто – он всегда был обязан куда-то идти или ехать, теперь же можно было дольше побыть дома, чему тут же поспешили обрадоваться и воспользоваться младшие брат и сестра, устроившие так, что свободное время пролетело незаметно и совершенно безвозвратно. Вспомнить о том, что хотел сделать еще с утра, ему удалось, только когда он вышел из дома, по дороге к автобусной остановке.

Чонхо хотел позвонить ей утром, вышло только много позже после полудня. Стоя на остановке в ожидании автобуса он долго не решался набрать номер, после того, как все же нажал кнопку вызова, тут же отменил, и все повторилось вновь. Мидори ответила почти сразу, после нескольких гудков, и ее мелодичный голос и смех, словно звон десятка серебряных колокольчиков один за другим, снова заставили сердце стучать быстрее. Чонхо уже перестал удивляться такой странной реакции.

Быстрая случайность? Заливистый смех. Сегодня у нее встретиться не выйдет, да и Чонхо не может. Разговор вышел коротким, но, тем не менее, содержание было важным. Они договорились встретиться в следующий день, и Чонхо вдруг захотелось, чтобы этот день наступил намного скорее, чем ему положено. Автобус еще долго не желал прибывать.

Предполагаемых участников матча, который должен пройти почти через неделю, было сравнительно много, но намеченный стартовый состав можно было отличить от других сразу – они чувствовали себя элитой и вели себя подобающим их положению образом. Некоторых Чонхо знал – он видел их по другую сторону экрана телевизора, когда случайно приходилось смотреть несколько минут игру молодежной сборной. А с кем-то уже встречался лично.

– О, и ты здесь, серьезный и молчаливый нападающий? – донесся до него низкий голос.

Чонхо обернулся на звук, увидел знакомое лицо, но долго не мог вспомнить, откуда же он его знает. Слишком высок для обычного защитника, плечи широкие, руки сильные... Еще немного, и Ку Джи Сок оскорбился бы, заметив, что его не смогли узнать. Обычно его узнавали сразу. Вспомнив его лицо, его защиту ворот в Ульсане, словно тот был нерушимой титановой стеной, Чонхо, никак не прокомментировав замечание, отвернулся и уселся обратно на первый ряд трибун. Он никогда не бывал в таких ситуациях, и единственным выходом ему казалось вновь замкнуться в свою непроницаемую скорлупу. Сегодня была только первая встреча, и особых нагрузок не предвещалось.

– Знаете, он один раз даже заставил меня понервничать, – продолжал тот же низкий голос.

– Тебя? – последовало удивление... Ким Тэхви, вроде. Отдельно от своей команды Чонджу он выглядел вполне адекватным человеком, не тем сумасшедшим полузащитником, которого видел Чонхо месяц назад.

– Да, случалось и такое, – подтвердил Джи Сок.

Примерно в таком направлении текли все разговоры, происходившие на поле стадиона в Итэвон-дон. Малосодержательные, часто побуждающие их участников к смеху. Чонхо мало

к ним прислушивался. Солнце интенсивно проливало свое тепло на землю, и в итоге настала жара, отказывающаяся пропускать хотя бы дуновение ветерка.

Поэтому в этот день Ким Ён Пхё и его помощники не задерживали всех надолго, резко отличившись своим гуманным поведением от Квон Хо, тренера команды Чонхо. Этот тренер часто пренебрегал обратить внимание и на дождь, и на жару. В этом месте вообще все отличалось от того, что Чонхо привык видеть. Место намного удобнее и комфортнее, чего еще можно было желать? Не было одного – дружеских отношений, доброжелательной атмосферы, которую каждый день он ощущал на территории старого деревянного стадиона, которого никак не могли снести, чтобы построить новый торговый центр. Большую часть дня заняло размещение на базе молодежной сборной. Общежитие комфортабельное и полностью располагающее к футбольной жизни. Из трех своих соседей Чонхо знал только Ку Джи Сока, время от времени отпускающего ему всякие колкости.

В этот раз ему достался пятый номер. Через несколько часов разработки тактики предстоящей игры и отработки базовых движений все присутствующие поспешили покинуть стадион, наслаждаясь свободным временем перед вечерней тренировкой. Все это время Чонхо провел в общежитии, расположенном не так далеко от стадиона. Обычно он не отличался разговорчивостью, но в этот вечер побил все рекорды, произнеся менее десятка слов.

– Скоро наши случайные встречи войдут у меня в привычку! – сказала Мидори, весело улыбаясь.

В следующий день они встретились там, где и договаривались. Это было время после утренней тренировки. Парк Кан-дон пестрел богатством красок: тихие зеленые кедровые и павловоцветные деревья укрывали от настойчивой жары, переливающаяся непостоянная вода в чистом пруду успокаивала душу своим молчанием, разноцветные цветы радовали глаз. Все заставляло забыть немногочисленных посетителей о проблемах большого мира и чуточку прикоснуться к живой природе, забытой в больших городах. Золотые капли солнца окрашивали перья облаков в нежный перламутровый цвет.

– Это... моя вина, – Чонхо неосознанно запустил руку в волосы, опомнился, опустил ее обратно. Весь прошлый вечер он думал над тем, что он мог сказать в эту встречу, придумал сотни вариантов, но когда настала заветная минута, и он увидел ее, все слова вдруг предательски исчезли. Да, собственно, и сказать что-то необходимое было нечего, всего лишь отдать забытую вещь, но, тем не менее, сказать что-то хотелось. – Я забыл отдать и...

– Как и я, – улыбнулась она, но тут же повернула голову в сторону. Там раздавался тихий шелест от поднявшихся брызг воды. То золотистая рыбка покинула водяной дом и снова нырнула. Лотосы сразу же надежно скрыли место, где она исчезла. – Я тоже забыла. Случайно, конечно.

Конечно, это была чистая случайность. Каждый человек каждый день что-то забывает, это закон жизни. Но был ли их случай таким же, никто бы из них не смог ответить абсолютно истинно.

– В общем, вот. – Не найдясь, что еще сказать, он достал невесомый зеленый шелк, протянул ей. – Он немного помялся, извини.

– Переживаешь из-за таких пустяков? – иронично произнесла она, чуть приподняв бровь и взяв шелк. Шелковый платок она удерживала в руке – слишком жарко для него было в этот день.

Вновь раздавался шум водяных брызг – единственный звук, нарушавший тишину в радиусе десяти метров. Слова никак не находились.

– Тогда я, наверное...

– А знаешь, – перебила она его внезапно, вдруг ощутив горечь, что после того, как они расстанутся сейчас, больше не обретут счастливого случая вновь встретиться. Идею о том, что привязываться нельзя ни в коем случае она не поддержала уже с первого раза и давно о ней

забыла. – Я нечасто проверяю свою электронную почту. И вот вчера оказалось, что родители мне уже несколько писем написали. А я с ними так давно не разговаривала...

Новая тема разговора была совершенно неожиданной, причем для обоих участников его. Мидори сказала первое, что пришло ей на ум, и теперь пыталась поскорее найти слова, чтобы продолжить.

– Вот как, – только и сказал Чонхо, находясь в точно такой же бессловесной ситуации, что и она. – Что говорят? – все же нашелся он.

– Что в Осаке уже третий день не прекращаются дожди, на улицу выйти невозможно, и...

– Ты из Осаки?

– Да. Всю жизнь там прожила, а здесь до сих пор освоиться не могу... – Она растерялась, огляделась по сторонам. – Посмотри, а там не так жарко, и листва очень густая.

Рукой она указала в сторону лавочки по другую сторону узкой автомобильной дороги и, не дождавшись ответа, сорвалась с места. Но когда одной ногой она ступила на асфальт, раздался резкий визг автомобильных шин, предвестивших появление из-за крутого поворота дорогой иномарки. Как обычно и бывает в таких ситуациях, она оказалась не в силах сдвинуться с места, и ее стремительное путешествие к резной лавочке закончилось бы крайне плачевно, не окажись она в крепком кольце рук, оттащивших ее подальше от дороги. В следующий миг мимо пронесся автомобиль с темными тонированными стеклами. Нечасто в этих краях можно было увидеть такую скорость.

Чонхо удерживал ее немного дольше, чем следовало бы, ведь опасность давно миновала, но разомкнуть руки все не получалось. Невольно он склонил голову, почти коснувшись ее уха, чуть прикрыв глаза, вдохнул сладкий неуловимый запах ее волос... Она невесомо коснулась своими пальцами его правой руки, и прикосновение это было легче всякого шелка. Вдруг дохнул ветер, теплый, но не жаркий. Он словно заставил опомниться Чонхо, поспешившего отойти в сторону на несколько шагов. Он потерял переносицу, будто только что очнулся от долгого сна, которого раньше никогда не чувствовал. Мидори же молча отправилась к лавочке, на этот раз все же посмотрев по сторонам дороги. Чонхо ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Так же, молча, он уселся на почтительном расстоянии от нее. Она смотрела на красочный пруд издали.

– Дома я часто фотографировала воду, больше всего остального нравилось. Там хорошо получалось, – вдруг сказала она, продолжая разговор как ни в чем не бывало, будто и не было ни этого автомобиля, ни случайно задержавшегося прикосновения.

– И почему ты уехала? – он смотрел в ту же сторону, что и она.

На этот раз ответа пришлось ждать долго, она просто молчала, а он не торопил ее отвечать. Мимо пронесся еще один автомобиль.

– Не смогла больше спокойно жить там, – задумчиво произнесла она. – Там все напоминает мне о... – она резко прервала себя. – И, тем не менее, я здесь.

Она повернулась к нему, улыбаясь как всегда, но улыбка эта была какой-то печальной. Он решил больше не расспрашивать ее о родном городе. Ведь там явно произошло что-то плохое, воспоминания о чем причиняют боль. А этого он бы себе никогда не позволил сделать.

– И вот мне написали в письме, что я до сих пор не прислала фотографий города... – продолжала она. – Может, ты знаешь, как сфотографировать дух города? Ты ведь давно живешь здесь?

– Давно, – эхом отозвался он. – Всю жизнь.

– Со дэснэ*... – тихо пробормотала она. – Тогда можешь подсказать, где сделать удачный кадр?

Чонхо задумался ненадолго, но в памяти его всплывала только одна картинка, соперничающая своей важностью с мыслью о том, что расставаться с Мидори надолго, если не навсегда, ему никак не хотелось.

– Я могу отвести тебя туда, – наконец сказал он.

– Ёкатта нэ!..** – ее лицо осветилось радостью. – То есть, тебя ведь это не затруднит? – на всякий случай уточнила она.

– Нет, нисколько, – ответил он беспечным тоном, стараясь не думать о том, что до матча осталось всего несколько дней, и отвлекаться на что-то постороннее было совсем нежелательно. – Я давно там не был, все собирался сходить, и...

Вдруг проиграла короткая, но красивая мелодия, похожая на песню арфы. Оказалось, на ее телефон пришло сообщение, которое она быстро пробежала глазами, тут же помрачнев.

– Извини, мне нужно идти, – сказала она, печально посмотрев ему в глаза.

– Тогда... – начал было он.

– ...до послезавтра, – продолжила она и унеслась со скоростью ветра, оставив Чонхо одного. Солнце уже коснулось горизонта, скоро должна была быть вечерняя тренировка, но он еще долго оставался недвижим, сидя на резной лавочке. Конечно, он уставал на тренировках, хотя его особо не напрягали, ведь стартовый состав уже определили, и Чонхо там никак не значился. Но намного больше сил отнимало то чувство, неизведанное, непонятное, невыразимое, что поселилось в сердце и никак не хотело его покидать, только заставляло его биться чаще.

*со деснэ... – вот как..., яп.

** Ёкатта нэ!.. – Это хорошо!

Загадочная вещь эти ключи. Маленькие и сделанные из простого металла, они становятся совершенно незаменимыми и необходимыми, открывая нужную дверь. Но также они обладают еще одной способностью, которую периодически с успехом демонстрируют – они часто теряются, поэтому их никогда не бывает много.

В ближайшее время, может быть, и на следующий день, Ли Сон Хён должен был вернуться из очередной кратковременной командировки, на сей раз из Гонконга, большого, широкого, высокого и разноцветного города, где легко заблудиться или что-то потерять, что он и доказал недавно.

– А мне нужно срочно уехать домой, в Осаку, – продолжала свой рассказ Ан, начатый как только Мидори, поспешив как только могла, вернулась домой. – Сон Хён сказал, что приедет завтра. Но дверь открыть он никак не сможет, ведь ключи он потерял где-то... Тебя ведь не затруднит побыть дома, пока он не приедет?

Она поспешно собирала вещи в дорожную сумку, произнося эту сбивчивую речь, ходила из одной комнаты в другую, что-то искала. И хотя она старалась не показывать никаких эмоций, все же можно было уловить тень волнения в ее голосе, взгляде. Она ничего не говорила о причине столь стремительной поездки, а Мидори решила все спросить потом, когда она приедет обратно.

– Нет, совсем не затруднит, – ответила она кухне, хотя перспектива находиться дома весь следующий день ее нисколько не радовала. – Мне все равно нужно было посмотреть все эти снимки и...

Но Ан ее уже не слушала. Поспешно причесавшись, она накинула синий пиджак и уже собиралась открыть дверь, как вдруг вспомнила:

– Кстати, он опять звонил мне, недавно совсем.

– Кто звонил? – не поняла ее Мидори.

– Твой Кикучи-кун, конечно, – удивленно пояснила кухня.

Мидори выпустила кружку, которую держала последние пять минут, из враз ослабевших рук. Остатки чая разлились по полу, а сама кружка разбилась на множество маленьких осколков, как и ее сердце совсем недавно. Она принялась собирать осколки.

– Будь внимательней, – недовольно заметила Ан, взявшись за ручку двери. – Он говорил, что хочет поговорить с тобой, что знает, что ты здесь и... – она взглянула на часы, вдруг воскликнув: – Ах, я опаздываю!.. До свидания, надеюсь, я скоро вернусь.

– До свидания, – тихо ответила Мидори, хотя кухня ее уже не слышала, она пулей вылетела за дверь, скоростью своей доказывая всю неотложность дела.

Мидори еще долго собирала осколки, находившиеся в самых неожиданных местах – под платяным шкафом или под подставкой, удерживающей цветы. Ее движения стали вдруг вялыми, раз потеряв внимание, она порезала палец маленьким острым осколком, алая кровь окрасила светлую кожу, хотя заметила она это только несколько минут спустя. Она совсем недоумевала, что еще он от нее хочет. Она ничем не была ему обязана, ничего ему не оставляла, впрочем, как и он ей, и прошлые связи остались где-то позади, в дали, овеванной дымкой забвения. Теперь же Дзюн снова напомнил все те сладкие и горькие моменты, пережитые ею вместе с ним. Кровь долго не останавливалась.

Этот вечер был тихим, неосязаемым и пустым, какого не было за все время пребывания в Сеуле. Обычно тишину разгоняли разговоры, смех, громкая музыка или фильмы. Теперь она была одна, что, возможно, было только лучше – можно было спокойно разобраться в своих многочисленных кадрах. Можно было разобраться в себе.

В темноте ее комнаты, рассеиваемой лишь тусклым светом настольной лампы, отчетливо выделялся монитор ноутбука, находившегося на коленях его хозяйки. Он услужливо показывал сделанные кадры. Сверкающий на солнце Ханган пестрел всеми цветами радуги, словно кто-то рассеял самоцветы по всей его поверхности.

Самое большое впечатление эта река произвела на нее, когда она пересекала ее по мосту на невообразимой скорости. Тогда она открыла зажмуренные глаза лишь на пару секунд, но запомнила эту красочную картину на всю жизнь. Мидори чуть улыбнулась, вспомнив, как глупо себя повела, заставив Чонхо отвезти ее на другой конец города. Тогда он очень помог ей, даже нисколько не возразив.

Пару пустых кадров. Следующий – широкие листья дзельквы передавали все оттенки зеленого, проникающего в самую глубину сознания. Она любила фотографировать цветущие деревья, больше всего – сакуру в конце марта. На многих кадрах деревья были главными участниками съемки, им не были нужны сопровождающие их подвижные объекты. Но на следующем кадре оказалось так, что в центре был человек, а не деревянные гиганты. Тогда она впервые увидела его улыбку. Она запомнилась ей так же отчетливо, как и сверкающий Ханган.

Маленький фонтан неподалеку от дома, где она жила, Мидори сфотографировала просто так, чтобы не забыть все детали, окружавшие ее в Сеуле, когда она вернется в Осаку. Кусты с белыми пышными цветами, закрывающими почти всю листву, росли на обочинах маленькой дорожки около реки Аньян. Объектив выхватил все лепестки этих нежных перламутрово-бежевых цветов, которых хотел унести ветер. Тогда она лишилась своего фотоаппарата, составлявшего немалую часть ее жизни, навсегда, как она думала. Оказалось, нет.

Вдруг она поняла, что каждая фотография так или иначе напоминает ей о Чонхо. Она приложила ладонь к левой стороне груди – сердце билось часто-часто. Она испугалась, такого давно не случалось с ней. Она резко закрыла ноутбук, в комнате стало темно. Тусклый свет слабо прогонял тьму.

Сон Хён приехал на следующий день только поздно вечером. Уставший и вымотанный, он был рад, что все-таки смог попасть домой, хотя думал, что придется ночевать в отеле. Переговоры прошли удачно, и даже подписали какой-то контракт, но этим пустой желудок не наполнишь. Мидори приготовила ужин из того немногочисленного, что оставалось в холодильнике и кухонных шкафчиках.

– Ан говорила, когда придет? – спросил он ее, когда зашел на кухню. Мидори завершала последние штрихи к ужину.

– Нет... сказала, надеется, что придет скоро, – ответила она, пожав плечами. – Она тебе тоже ничего не сказала?

– Ничего, – задумчиво произнес Сон Хён.

– Странно это... – заключила Мидори, поставив на стол тарелку риса с вареной курятиной. – Прошу, – великодушным жестом пригласила она к столу. – На ваш суд предоставляю «ояко донбури».

Она картинно поклонилась, подождав так немного. За месяц она успела сдружиться с Сон Хёном. Раньше они виделись лишь два раза, и разговоры их ограничивались парой фраз.

– Спасибо, – только и сказал Сон Хён, приветливо улыбнувшись.

Он уже сел за обеденный стол, когда Мидори вспомнила важную составляющую, ожидавшуюся своей очереди в другой тарелке на столешнице. Картофельные шарики уже успели остыть.

– Надеюсь, она приедет обратно к субботе, – вернулся Сон Хён к изначальной теме разговора.

– Может быть... – Мидори пожала плечами. – А что в субботу?

– Мы думали сходить на матч молодежной сборной. Там мой младший брат будет играть, очень волнуется.

– Да?.. Во что играет?

– Футбол. С Таиландом играют.

Дальнейший разговор становился все менее содержательным и вскоре потух совсем. За окном уже давно стемнело, на небе проглядывали редкие звезды, а город сверкающим полотном извещал о начале ночной жизни.

Наступила среда, первая половина которой пролетела незаметно. Мидори долго выбирала, что ей надеть, в итоге остановив свой выбор на сине-белой блузке и белых брюках. Выбор одежды занял больше времени, чем она предполагала. Солнце уже начинало клониться к закату, а резкий ветер предупреждал о том, что вечером будет далеко не так жарко, как прошлым днем. Чонхо встретил ее около дома. В белой футболке с незапоминающимся рисунком и черной расстегнутой жилетке он выглядел довольно необычно и привлекательно. Она привыкла видеть его в черной кожаной куртке, серьезного, сосредоточенного на своих делах.

– Ты уставший... – сказала она, подойдя к нему и заглянув прямо в глаза. – Долго ждал?

– Нет, – ответил он как всегда, немногословно.

Они шли медленно, разговаривая, скупко сообщая что-то о себе. Им некуда было спешить. Насколько Мидори могла понять, им нужно было доехать на автобусе в сторону центра города, больше Чонхо ничего не говорил ей о пункте назначения, и спустя несколько неудавшихся попыток узнать, куда они все-таки направляются, она решила полностью довериться своему проводнику. На все вопросы он отвечал лишь «Скоро увидишь». От такой загадочности становилось только интересней.

На улицах города было много людей, несмотря на то, что был будний день. Город жил полной жизнью, дышал запахами свежего высококачественного бензина, слышал многочисленные звуки людских разговоров и музыки, видел красочную одежду людей и зданий, мыслил облаками, набравшими влагу в далеких восточных краях. Автобус ехал долго.

Наконец, переехав Ханган, проехав несколько районов и совершив бесчисленное количество поворотов, автобус подъехал к конечному пункту их путешествия где-то в Инса-дон.

– Надеюсь, пересеживаться на другой автобус не нужно? – спросила Мидори, как только они вышли из салона автобуса, поездка в котором ей порядком надоела. – Так мы и в другой город уехать можем...

– Нет, уже близко.

– Ты хочешь показать мне высокие здания? – Она оглянулась на каменных исполинов.

– Нет, другое, – ответил он, посмотрев на наручные часы. – Уже скоро.

По мере того, как они проходили все дальше и дальше по широкой улице, людей становилось все больше, так что можно было легко потерять друг друга из виду. Солнце все ниже клонилось к закату.

– Ты хочешь показать мне большое количество людей? – вновь спросила она.

– Нет, не это, – так же, как и в предыдущий раз, ответил он.

– А может... – вдруг она запнулась о камешек на асфальте, приостановилась, посмотрела вниз, отряхнула брюки, – может, ты... – продолжила она, но подняв голову, не обнаружила своего проводника.

Она начала вертеть головой, озираться по сторонам, но везде видела только незнакомые лица. Встала на цыпочки, но результат оставался тем же, уже хотела звонить, как вдруг почувствовала, что ее руку кто-то берет в свою. Она уже хотела испугаться, но обернувшись, увидела только Чонхо.

– Извини, но так будет труднее потерять друг друга в толпе, – говорил он, запустив другую руку в волосы и почесав в затылке.

Солнце окрашивало все в красный цвет, поделившись и с Чонхо, окрасив его щеки в розовый оттенок. Мидори только тихонько хихикнула.

– Не извиняйся, все в порядке, – сказала она ему, улыбаясь, другой рукой поправив на плече ремень от сумки для фотоаппарата.

Дальнейший путь они преодолевали молча, медленно, но и спешить особого желания не было. Откуда-то доносилась заводная музыка, частые продавцы сладостей и остроумцы зазывали отведать свой товар – не так давно прошел фестиваль Пэкчжун, день фруктов и овощей. Широкая улица тянулась все дальше, и из этой дали доносился шум воды.

– Не желаете испытать свою удачу?

Перед ними неожиданно возник парень, довольно низкорослый и с крайне хитрым взглядом черных глаз, с веером бумажек в руке. Чонхо не обратил на него никакого внимания и уже потянул Мидори за руку дальше, но парень не сдавался, окликнув их:

– Только для вас один лотерейный билет всего лишь за пять тысяч вон! Это особая лотерея, вам обязательно повезет... Да стойте же!

Ему показалось, что обещанная удача отвернулась от него самого, и предполагаемые покупатели ускользнули безвозвратно, но девушка остановилась, обернувшись.

– Говорите, удача? – переспросила она.

– Ты ему веришь? – с сомнением спросил Чонхо, так и не отпустив ее руки.

– Сегодня хороший день, вдруг, и правда, повезет?

– Да-да, конечно повезет, – воодушевился парень, подбежав к ним. – Всего один билет откроет вам дорогу в светлое обеспеченное будущее, – он вытянул руку, указывая неопределенное направление этого будущего.

Чонхо слушал эту пустую болтовню, хмуро сведя брови, Мидори – чуть улыбаясь. Наконец, она отсчитала нужную сумму и отдала деньги парню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.